

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ГОД 1941-й СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

В закоулках Мироздания - 17

В закоулках Мироздания

Александр Михайловский
Год 1941, Священная война

«Автор, Автор»

2023

Михайловский А. Б.

Год 1941, Священная война / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2023 — (В закоулках Мироздания)

Черное от горя начало июля сорок первого года, клинья германских танковых дивизий рвутся к Москве и Ленинграду, шесть советских армий первого стратегического эшелона окружены и полностью разгромлены в приграничном сражении. Разорванный в клочья фронт стремительно катится на восток, а навстречу ему из глубины Советского Союза в эшелонах мчат войска внутренних округов, чтобы встать перед врагом «нерушимой» стеной и погибнуть в следующих сражениях, ибо этих сил недостаточно даже для активной обороны, а маршал Тимошенко размышлял о контрнаступлениях.

Советская военная доктрина «малой кровью на чужой территории» уже разлетелась в прах, а товарищ Сталин уже сказал свои исторические слова: «Ленин оставил нам великую державу, а мы её про...», но все равно из Москвы в войска летят приказы: «Остановить, разгромить, уничтожить», а генералы мирного времени строят наполеоновские планы, для исполнения которых у них нет ни сил, ни средств, ни военного таланта. И в этот момент на выручку сражающейся стране в ипостаси Божьего Бича и Защитника Земли Русской приходит неистовый Артанский князь Серегин, перед которым поставлена задача остановить вражеское вторжение и вразумить советское руководство, чтобы повернуть ярость войны с востока на запад, в европейское логово фашистского зверя.

Содержание

Часть 65	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Михайловский и Юлия Маркова

В закоулках Мироздания

Книга 17

Год 1941-й. Священная война

Часть 65

2 июля 1941 года, 13:35 мск, воздушное пространство над окрестностями Минска, высота 3500 метров, рубка штурмоносца «Богатырь»

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Мир сорок первого года был первым, в который мы вломились не собственными ногами и даже не просмотрным окном, а на штурмоносце и большом космическом челноке. Географической точкой для открытия первого портала я выбрал воздушное пространство над городом Минск. И до двадцать второго июня, и после – это важнейшая стратегическая точка: в первом случае в советском, а во втором – в немецком тылу. Едва оказавшись в новом мире, «Святогор» поднялся на высоту шестисот километров и начал «метать икру», то есть вывешивать на круговых полярных орбитах спутники планетарной сканирующей сети. Задание это не особо сложное, так что питомцы моей супруги справятся сами; а тем временем «Богатырь» под командой моей ненаглядной принялся нарезать круги над столицей Советской Белоруссии. Мне же для начала следовало взглянуть на происходящее собственными глазами и ощутить этот мир энергооболочкой, и лишь потом сканирующая сеть поможет мне принимать решения с точностью до грамма.

– Второе июля сорок первого года, – местное время около полудня, плюс-минус четверть часа, – авторитетно заявила мне энергооболочка.

И эти сведения сразу подтвердились, так сказать, практически: к «Богатырю» тут же докопалось звено сто девятых «мессершмитов». Елизавета Дмитриевна могла бы уйти от них как от стоячих, но, наслушавшись от меня рассказов о том, что это за мир, просто привела оборонительные системы штурмоносца в активный режим и приказала бортовому искусственному интеллекту считать данный тип летательных аппаратов безусловно враждебным, после чего тот без гнева и пристрастия короткими очередями оборонительных турелей разделался со всей четверкой. Эти пилоты люфтваффе (которые даже испугаться, наверное, не успели) стали нашим почином в борьбе за счастье этого мира.

Тем временем моя энергооболочка впитывала в себя всю боль, ярость и ужас этого мира. Враг уже глубоко вторгся на советскую территорию, и приграничное сражение на театре боевых действий севернее Припятских болот входило в завершающую фазу, имя которой – «Разгром Северо-Западного и Западного фронтов». Бредут по дорогам бесчисленные колонны советских пленных. Отдельные мелкие группы бойцов и командиров, утратив связь с командованием и между собой, почти без боеприпасов, продовольствия и медикаментов, лесными тропами пробираются к своим или мечутся в кольце окружения западнее Минска. И в то же время, обгоняя отступающую Красную Армию по пути на восток, катят по дорогам хмельные от шнапса и легких успехов германские моторизованные войска. Сейчас, пока тут все еще движется в русле Основного Потока, энергооболочка вполне компетентна, собрана и деловита.

– Основная точка приложения сил на главном Берлинско-Московском направлении – это сражение за Борисов, – безапелляционно заявила она. – Торопись покупать живопись, Серегин. В других местах немцы уже добились промежуточных результатов, а тут пока буксуют.

Вчера вечером противнику внезапным ударом (возможно, с применением полка «Бранденбург») удалось захватить железобетонный шоссе́нный мост через Березину и левобережную часть города. Расположенным на правом берегу так называемым Новым Борисовым им удалось овладеть еще сутками ранее. В течение сегодняшнего дня 18-я танковая дивизия расширит плацдарм до двенадцати километров по фронту и восьми в глубину. Главная причина германских побед (можно сказать, их козырной туз) – это господство в воздухе люфтваффе, основной виновник советских поражений – местнический конфликт между начальником обороны города корпусным комиссаром Иваном Сусайковым и командующим 1-й пролетарской мотострелковой дивизией Яковом Крейзером. Так, в сегодняшнем боевом донесении начальника обороны Борисова в штаб Западного фронта указывалось, что: «...основные потери и, главное, паника наносятся авиацией противника, которая, пользуясь отсутствием советской авиации на нашем участке, работает всё время на бреющих полетах почти безнаказанно. Имеющаяся в моём распоряжении бригада противовоздушной обороны оказалась очень малоэффективной, и к тому же за последние два дня имеет много потерь. Убедительно прошу о срочной выброске сколоченного соединения, ибо собранные мною и сведенные в части люди мало боеспособны и в бою недостаточно упорны, а прибывшая мотострелковая дивизия, несмотря на неоднократные мои требования, вчера и сегодня участия в боях не принимала».

– Ну что же, – подумал я, – чтобы начать пускать фашистам кровь, Борисов ничуть не хуже другого места. К тому же он недалеко от точки первичной инвазии и имеет оперативное значение для развития германского наступления. Начнем, как говорится, с начала. И с красными боярами, вздумавшими местничать в боевой обстановке, мы еще разберемся, возможно, с летальным для них исходом. Корпусной комиссар по армейской табели о рангах равен генерал-лейтенанту, и ситуация, при которой ему будет крутить фи́ги какой-то полковник, ни в одной нормальной армии недопустима.

Приняв решение, я вновь открыл портал и выпустил в небеса этого страдающего мира все четыре боеготовых эскадрона «Шершней» в ударно-штурмовом обвесе.

– Пришло время повеселиться, мои злобные девочки, – мысленно сказал я пилотессам своей воздушной кавалерии. – К востоку от этого места местная русская армия ведет ожесточенное сражение с многократно превосходящим беспощадным врагом. Нашим надо помочь, а не наших наказывать так жестоко, чтобы выжившие запомнили этот день на всю оставшуюся жизнь. Первый эскадрон расчищает небо над полем боя от вражеских летательных аппаратов, второй атакует позиции вражеской артиллерии, третий занимается подходящими с запада резервами, а четвертый штурмует вражеский плацдарм. Ни одна пушка, боевая машина, грузовик или даже легковушка не должны избежать вашего настырного внимания. Вспомните все, чему вас учили на тренажерах, и да пребудет с вами в бою Небесный Отец! Аминь!

Моя супруга, конечно, тоже слышала эту возвышенную мысленную речь, ибо была такой же Верной, как и бывшие амазонские гимнастки и юные бойцовые лилитки, а потому посмотрела на меня с некоторой тревогой. Мол, не поехал ли крышей от перевозбуждения ее милый Сереженька: вот так безоглядно, без разведки и предварительной подготовки кинувший в бой, почитай, свою главную ударную силу, если не считать сам «Неумолимый».

– Не беспокойтесь, Елизавета Дмитриевна, – сказал я, – о наземной операции речь пока не идет. Рано еще. Но там, под Борисовом, сражаются в неравном бою и гибнут русские люди, а потому мой долг их Защитника и Бога оборонительной войны – помочь им чем можно на этом этапе. Потом, когда наши юные фурии на «Шершнях» выжгут и вытопчут вражеский плацдарм, настанет время для тщательных размышлений о том, где, чего и сколько вешать в граммах, а пока будем действовать в стиле Ильи Муромца: «Махнул мечом направо, появилась улица, махнул налево, образовался переулок». Так что – курс на Борисов, товарищ штурм-капитан, ибо для вас там тоже будет персональное задание снести к чертовой матери из главного калибра вашего штурмоносца все капитальные мосты и временные переправы через Березину.

Напоследок я подумал, что вот, наверное, обалдели внизу германские херрен офицеры унд зольдатен, а также местные жители, когда в дополнение к клиновидному аппарату неизвестной конструкции, только что влет расстрелявшему четверку «мессершмиттов», в прозрачном небе появились еще восемь таких же поменьше. И полная тишина. Звукометристы на зенитных батареях растерянно вертят головами, в то время как построившиеся в формацию неизвестные воздушные пришельцы, резко набрав скорость, удаляются на восток, откуда доносится грохот канонады.

Десять минут спустя, театр сражения за Борисовский плацдарм

Пилоты люфтваффе и в самом деле ходили у обороняющихся советских войск по головам, делали что хотели и никого не боялись, ведь советская истребительная авиация на этом направлении закончилась примерно в полдень двадцать второго июня. Придвинутые к самой границе истребительные полки 11-й, 9-й, 10-й смешанных авиадивизий попали под первый уничтожающий удар люфтваффе, а во многих местах и германской артиллерии. Две трети машин были уничтожены или повреждены на аэродромах, уцелевшие самолеты поднялись в воздух, чтобы дать бой многократно превосходящему противнику, и сгорели в ожесточенных боях, взяв с «мальчиков Геринга» дань кровью. Таких однодневных потерь, как двадцать второго июня, германские ВВС не несли все время воздушного сражения за Британию.

Однако это было слабым утешением, так как у авиационного персонала уже не было времени отремонтировать и привести в порядок машины, поврежденные на земле и в воздушных боях – приходилось бросать их и уходить пешком, так как к окраинам аэродромов уже выходили германские танки, а кое-где и пехота. Переброшенная на фронт из района Орша-Могилев 43-я истребительная авиадивизия остроту проблемы решить не смогла, поскольку воевать ее пилотам приходилось против всего второго воздушного флота люфтваффе. Впрочем, ко второму июля на две трети сточилась и она. Воздушные бои, налеты на аэродромы стервятников Геринга, а потом очередные перебазирования на восток – и каждый раз все неисправные машины волей-неволей становились добычей врага.

Так что эскадрилья истребителей, которую просил корпусной комиссар Сусайков, в данный момент и на данном участке фронта была недостижимой мечтой, а вот против советских войск под Борисовом и по ближним тылам действовали легкие силы второго авиакорпуса люфтваффе: одна легкомобильная эскадра (Me-110), одна штурмовая эскадра (Ю-87) и одна истребительная эскадра (Me-109). И в тоже время две бомбардировочных эскадры (Ю-88 и Хе-111), занимались таким солидным делом, как нарушение транспортных коммуникаций советских войск, удары по резервам и подходящим из глубины страны подкреплениям и истребительное прикрытие им при этом не требовалось. Поэтому немецким истребителям просто не находилось иных дел, кроме как развлекаться стрельбой по наземным мишеням, в том числе по уходящему на восток гражданскому населению. Как же иначе: фюрер германской нации Адольф Гитлер уже освободил немцев от такой химеры, как совесть, из людей превратив их в диких зверей.

Когда все изменилось, на первых порах никто ничего не понял. Немецкие войска посчитали приближающуюся с запада воздушную формацию своей, а советские бойцы и командиры – еще одной напастью, готовой обрушиться на их головы. Но потом началось странное. Взяв несколько южнее Борисова, воздушное соединение разделилось на группы, заложило вираж, беря курс на север и резко пошло на снижение, после чего стало понятно: это что угодно, только не самолеты.

Клиновидный летающий корабль светлого металла, размером не уступавший бомбардировщику ТБ-3, вообще не походил на что-то знакомое, как и сопровождающие его аппараты поменьше. Советским командирам все это напоминало воздушные парады в Москве примерно пятилетней давности, когда гигантского «Максима Горького» сопровождал целый рой мел-

ких одномоторных истребителей. На этом сходство заканчивалось, и начиналось недоумение: за счет чего эти непонятные конструкции держатся в воздухе, и почему у них нет ни крыльев, ни ревущих моторов с воздушными винтами? Не назвать же крыльями те короткие выступы по бортам, плотно увешанные контейнерами с вооружением.

А дальше началась бойня, причем уничтожающему удару подверглись не советские, а германские войска и разбойничающие над боевыми порядками частей Борисовского гарнизона два десятка двухмоторных мессершмитов. Вот под резкий звук «пиу-пиу-пиу-пиу» пронизанная рубиновыми огоньками дымная трасса соединяет поворотную пушечную установку пузатенького аппарата неизвестной конструкции и один из германских самолетов. Не успевают случайные очевидцы удивиться отсутствию дульного пламени (откуда ему взяться в магнитоимпульсной пушке), как двухкилевое хвостовое оперение со свастиками уже кувыркается в воздухе отдельно от самолета, а все остальное, неровно обгрызенное сразу за кабиной стрелка, потеряв равновесие, втыкается в землю, будто колун, пущенный неловкой рукой. Удар, взрыв. И тут еще один германский стервятник от меткой очереди прямо в воздухе рассыпается на фрагменты, а за ним еще один, и еще. И тут же, подняв головы, красноармейцы и их командиры видят на брюхах и бортах странных аппаратов, с таким энтузиазмом атаковавших немецкие самолеты, опознавательные знаки в виде красной пятиконечной звезды.

Сначала кто-то один выкрикнул: «Наши!», потом этот крик подхватили в массах и вознесли его к небесам. Эти люди, за все время боев так и не увидевшие у себя над головой ни одного советского самолета, теперь переживали момент воплощения в жизнь своей самой вожаделенной мечты. И уже неважно было, что это за аппараты, откуда они взялись и почему прилетели с запада, а не с востока, – главным были красные звезды и то, с какой яростью неожиданная подмога накинута на разбойничающих асов Геринга и германские войска на плацдарме. Там тоже творилось такое веселье, что мама не горюй: сияя призрачным голубым пламенем, летели кометы авиационных эресов, воздух расчерчивали уже знакомые дымные трассы, разбрасывая вокруг видимые невооруженным глазом ударные волны, вспыхивали яростные оранжевые купола триалининовых разрывов и, как предвестник будущих побед, непрерывно гремел злой гром. И наконец главный корабль, наклонив носовую часть, выпустил во врага свои снаряды – тянущиеся за ними инверсионные следы издали походили на толстые пушистые веревки. Где-то там, в глубине вражеской обороны, встали высоченные, с десятиэтажный дом, водяные столбы – и чего выбравшийся из противовоздушной щели корпусной комиссар Сусайков понял, что незнакомый пилот наотмашь бьет германцев по самому дорогому – по временным переправам и захваченным накануне капитальным мостам.

– Ну вот, товарищ полковник, – сказал он своему начальнику штаба Лизюкову, – хотели воздушного прикрытия – получите и не задавайте ненужных вопросов. Просили поддержку одной эскадрильей – а тут, получается, в наших интересах работает как бы не дивизия. И так работает, что даже смотреть приятно.

– Дареному коню, товарищ корпусной комиссар, в зубы не смотрят, – хмыкнул Лизюков, – даже если эти зубы как у крокодила.

Совсем другие эмоции царили на противоположной стороне, воспринимавшей происходящее как воплощенный апокалипсис. Все вокруг горело и взрывалось. На восточном берегу Березины, где германские войска заняли оборону, отражая попытки большевиков контратаками сбить их с Борисовского плацдарма, потери в восемнадцатом танкерполку и пятьдесят втором моторизованном пехотном полку были значительными, но не фатальными. В основном там уничтожению подверглись танкеркамфвагены, бронетранспортеры и грузовики, которые невозможно было укрыть в глубоких окопах. При этом маскировочные сети, по всем правилам растянутые над местами расположения техники, помогали не больше фигового листа. Сильно пострадали и позиции выдвинутого в первую линию противотанкового дивизиона. Две трети орудий было разбито или приведено в негодность, также имелись серьезные потери в расчетах.

На западном берегу дела обстояли гораздо хуже. Там под удар попали позиции артиллерийского полка, место расположения батальона связи и ремонтного батальона, а также скопившиеся у переправ колонны сто первого моторизованного полка, третьего батальона панцерполка и транспортного дивизиона с топливом и возимым боезапасом для панцеров и пехотных подразделений. На середину дня второго июля дивизия оказалась разрезана напополам рекой Березина, будто червяк заступом, а потому расширение плацдарма и преодоление этого положения представляли для ее командования насущную необходимость.

Штурмовой удар четырех десятков красnozвездных летательных аппаратов неизвестной конструкции причинил страшные потери. На шоссе пылали подожженные грузовики, груженные бочками с бензином и газойлем, взрыв трех машин со снарядами для полковой артиллерии разметал все вокруг, повсюду валялись разорванные на части фрагменты тел и окровавленные клочья серого тряпья. Некоторые подразделения попали под удар, даже не успев покинуть кузовов машин, и теперь исковерканные остовы техники перемешались со щепой и человеческим фаршем. Снаряды авиационных пушек вроде бы небольшого калибра, как оказалось, обладали нечеловечески сокрушительной мощностью. Об этом говорила бортовая броня попавших под удар панцеров, буквально превращенная в решето.

В артиллерийском полку, развернувшемся как на учениях (а кого бояться) потери тоже оказались ужасающими. Взрыв машин с боекомплектом, подогнанных прямо к орудиям, буквально разметал по окрестностям дивизион тяжелых пятнадцатисантиметровых гаубиц. Два других дивизиона, укомплектованных легкими гаубицами (10,5 см.) понесли серьезные потери в людях и материальной части, и из того, что осталось, теперь едва ли было возможно сформировать хотя бы одну батарею. При этом главной потерей можно было счесть капитальные мосты и две наплавные переправы через Березину, полностью разрушенные с помощью оружия, по силе сопоставимого с главным калибром линкоров, а самый большой страх, почти мистический ужас, вызывало то, что эти странные аппараты двигаются в воздухе почти бесшумно, издавая лишь тихий свист.

Выполнив один заход, изрядно поливший советскую землю немецкой кровью, пришельцы из бездн неожиданно круто развернулись и пошли в повторную атаку – добивать то, что еще шевелилось, и сжигать то, что пока не полыхало. Солдаты зенитного дивизиона, прикрывавшего уже разбитые переправы, опомнившись от шока внезапности, попытались поразить дерзких налетчиков из своих двухсантиметровых установок, но тщетно: они не добились никакого эффекта, кроме фиолетовых искр, высекаемых из бугристой на вид обшивки. С тем же успехом в эти чудовищные аппараты можно было бы просто плевать горохом из трубочки. Впрочем, кое-какой результат их стрельба все же возымела. Зенитные установки заметили и сочли пригодными для уничтожения, и такая же судьба постигла авиационного наводчика, по радио призывавшего на головы налетчиков гнев «экспертов» из пятидесят первого ягдгешвадера (истребительной авиаэскадры).

Те прилетели всей компанией уже после того, как странные красnozвездные аппараты в третий раз прошли по земле огненной гребенкой и, набрав высоту, кругами ходили над полем битвы, выискивая, что тут еще можно сжечь, расстрелять и втоптать в землю. Но еще раньше, на свою беду, к Борису на высоте пять тысяч метров подошла формация из трех девяток «Штука» (Ю-87Б). Навстречу им направился большой корабль, вернувшийся на высоту сразу после уничтожения мостов. Как оказалось, то было не простое любопытство. Когда это клиновидное чудовище пролетало через строй пикировщиков, от него веером во все стороны брызнули дымные трассы малокалиберных магнитоимпульсных пушек ближней самообороны. Бортовой искусственный интеллект веселился во всю широту своей электронной натуры, отвешивая недружественным объектам в сфере досягаемости по минимальной очереди в десять снарядов из всех четырех своих турелей.

Не только лишь все мальчики Геринга успели сообразить, что надо как можно скорее валить свой «юнкерс» на крыло и резко менять эшелон, ибо тут убивают. И еще меньшее их количество сумело при этом выжить, ибо нижняя турель штурмоносца тоже не бездействовала, напутствуя «умников» очередями в хвост, а тремя километрами ниже кругами ходили злые «Шершни», которые тоже были не прочь обидеть одинокого пилота люфтваффе. И на все это воздушное побоище снизу с ужасом взирали живые пока еще немцы (ибо за каждым дойче зольдатеном «Шершни на данном этапе не охотились»). И в то же время для советских бойцов и командиров, также наблюдавших за происходящим с восточного берега, развернувшееся широкое батальное полотно было будто медом по сердцу. Сколько у них люфты выпили крови за последние несколько дней – и вот появился некто, взявший на себя труд публично выпороть наглых белокурых бестий и на земле и в воздухе.

– Черт знает что, товарищ корпусной комиссар... – сказал полковник Лизюков, – глядя на финал этого побоища. – Ни за что не поверю, что это наша новая секретная техника. Я, знаете ли, для этого слишком хорошо образован технически.

– Я тоже, товарищ полковник, в это не верю, так как образован не хуже вас, причем как по политической, так и по технической части, – ответил Сусайков. – И в то же время против фактов не попрешь. На аппаратах имеются опознавательные знаки – красные пятиконечные звезды – а немцев эти залетные «варяги» лупят не просто по приказу, а с энтузиазмом, и даже каким-то иступленным сладострастием. Будто всю жизнь о том мечтали, и вдруг сбылось.

Полковник Лизюков пожал плечами и сказал:

– В порядке бреда могу предположить, что это наши далекие потомки из примерно так двадцать второго века изобрели машину времени, как у Уэллса, и явились к нам на помощь.

– В вашей гипотезе не сходится одно обстоятельство, – вздохнул Сусайков. – В двадцать втором веке, после всемирной победы коммунизма и установления всеобщего братства людей труда, все войны прекратятся и люди разучатся убивать друг друга, а тут мы наблюдаем авиационную часть или даже соединение, действующее привычно и слаженно, как один человек. Главный вопрос теперь лишь в том, что для них важнее – защитить наши войска или нанести ущерб фашистам.

– Узнать это мы сможем, только подняв наших бойцов в атаку, – ответил начальник штаба обороны Борисова. – Если эти в небесах будут за этим только наблюдать, это одно дело, а если поддержат штурмовыми ударами, то совсем другое.

Но прежде чем корпусному комиссару Сусайкову и полковнику Лизюкову удалось организовать атаку (а дело это небыстрое), к Борисову с юго-востока¹ прилетели одномоторные «мессершмиты» и вступили с неизвестными аппаратами в групповой воздушный бой, иначе еще именуемый «собачьей свалкой». Тихое до того небо заголосило ревом форсируемых моторов и частым стрекотом пушек и пулеметов, а его синеву расчертили пушистые ниточки трасс и дымные следы падающих самолетов, изляпали облака черного дыма, оставшиеся от тех немецких истребителей, которым было суждено взорваться в воздухе. Это было зрелище, достойное взора богов. «Шершни» сильно уступали «мессерам» в вертикальном маневре, так как по происхождению были штурмовиками, а не истребителями, однако превосходили противника в маневренности на горизонталях, обладали идеальной защитой и мощным поворотным вооружением.

Сразу после первой атаки мальчики Геринга, сильно уменьшившись в числе, поняли, что их позвали сюда умирать, а не на пироги с чаем. Героев в нашем понимании среди них не было, так сто сразу начались попытки покинуть негостеприимное общество, не прощаясь. Выдав на мотор форсаж в пикировании (а пикировать мессеры умели), асы люфтваффе разгонялись

¹ С 01.07.1941 аэродромом базирования эскадры JG-51 числится Старый Быхов, так как предыдущий аэродром Стара Весь в восточной Польше оказался удален от линии фронта на 500 километров, что превысило боевой радиус Me-109.

до семисот с лишним километров, и огородами, на бреющем полете, старались потеряться на фоне окружающей местности. И кое у кого это даже получилось. Другим повезло не оказаться размолотыми в кашу, а выброситься с парашютом, когда вражеской очередью у мессера отгрызло крыло или хвост. Сейчас такие счастливицы, плавно раскачиваясь под белыми куполами, спускались с небес на землю, а шаловливый ветер сносил их на восток в расположение советских войск. Кого-то из них даже возьмут живыми, доставят к командованию, и там они, размазывая сопли и слюни, будут рыдать, что русские воюют нечестно. Но это будет потом.

Советская атака на Борисовский плацдарм началась, когда в небе снова все успокоилось. Довольно редкие цепи поднялись в рост и, уставя перед собой штыки винтовок, двинулись в сторону городской окраины, где по всем правилам своих уставов окопалась германская мотопехота, что и спасло ее от полного уничтожения при первом налете. И сразу же там, пригнувшись, забегали стрелки-шютце, застрекотали пулеметы и кое-где даже бахнули уцелевшие пехотные пушки. Однако наверху тоже заметили это нездоровое шевеление на немецких позициях и отреагировали самым естественным образом. Одна группа «Шершней» зашла в атаку на немецкие позиции вдоль фронта справа налево, другая слева направо, а третья, описав красивую дугу со снижением, зашла к советским бойцам с тыла, обогнала строй на высоте не более пяти метров и, сбросив скорость до пешеходной, возглавила цепи советских бойцов, заменив отсутствующие танки. Снова раздались звуки «пиу-пиу-пиу-пиу», воздух вспороли пушистые веревки пронизанных огнем трасс, и ни у кого по обе стороны фронта не осталось сомнений в том, на чьей стороне воюют эти странные чужаки.

В немецких зольдатепах что-то хрустнуло, треснуло, и, бросая свои позиции они обратились в безоглядное бегство. Да и немного их осталось в живых к тому времени. А позади них была река, и никаких переправ. К их счастью, в Березине не водились ни акулы, ни крокодилы, ни пираньи, так что многие и многие из выживших сумели относительно благополучно переправиться на западный берег реки вплавь прежде, чем к урезу воды с востока подошли советские стрелковые цепи, ибо воздушные пришельцы в спины бегущим не стреляли. Германский плацдарм прекратил свое существование.

Тогда же, воздушное пространство над окрестностями Борисова, высота 5000 метров, рубка штурмоносца «Богатырь»

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Ну вот и все! Задача людей посмотреть, себя показать, и в то же время пустить кровь немецко-фашистским захватчикам, выполнена успешно. Кроме того, мои пилотессы показали себя наилучшим образом, германский плацдарм на восточном берегу Березины ликвидирован, восемнадцатую танкострелковую дивизию Гитлеру придется формировать заново, а боезапас в «Шершнях» исчерпан на девяносто процентов, что означает, что нам пора домой. Погостили, помогли хозяевам в меру сил, пора и честь знать. Из Основного Потока наша выходка этот мир не выбила, ибо успех был чисто тактическим, но ткань Мироздания сильно заколебалась.

«Вы славно потрудились, мои храбрые девочки, – мысленно сказал я пилотессам, – а теперь собираемся в формацию и отправляемся домой. Немного позже мы продолжим начатое сегодня, а сейчас необходимо отойти на исходные позиции для отдыха и пополнения запасов».

«Завтра, Серегин, примерно в восемь часов утра по местному времени, – хмыкнула энергооболочка, – у тебя будет возможность относительно небольшими силами учинить такое, что в этом мире сразу все полетит в тартарары. На это время командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок вызвал к себе в здание бывшего штаба Западного Особого Военного Округа командующего второй танковой группой генерал-полковника Гейнца Гудериана для пропесочивания и снятия стружки с этого выскочки. Два этих птенчика в твоей клетке окончательно и бесповоротно выбьют этот мир из Основного Потока. Всех прочих хер-

рен офицерен унд зольдатен, что попадутся тебе под горячую руку, ты можешь убить или взять в плен, что без разницы. В сражении за Лепель-Сенно, что разыграется всего через три дня, все решения принимались на местах генералом Готом и генералом Штраусом, без участия штаба фельдмаршала фон Бока, а потому развиваться оно будет таким же образом, но уже в русле параллельной истории. А тебе там делать нечего, все равно с местными тупицами ничего умного не совершишь; обрыв коммуникаций в глубоком немецком тылу гораздо важнее эпизодических действий на фронте».

Ну что же, пленить штаб группы армий «Центр» будет гораздо интересней, чем целиком пустить его на мясо, особенно с учетом того брезгливого презрения, с которым прусская военная косточка относится к бесноватому ефрейтору и его фанатичным последователям. К тому же знаю я эту породу: пройдет совсем немного времени, и кадровые германские служаки, фон-бароны, начнут щелкать каблуками и тянуться в ниточку уже перед новым военным вождем, то есть передо мной. Идея служить настоящему Богу Войны на эту породу людей действует как валерьянка на котов. Немного гуманизма в отношении их соплеменников не повредит и моим Верным тевтонского происхождения, хорошо усвоившим, чем война отличается от спецоперации. Под Борисовом было первое, ибо иначе никак, а вот внезапный захват изнутри штаба группы армий «Центр» – это уже второе. Так что задействуем в операции пару когорт из армии Велизария и эскадрон «Шершней». Для предотвращения негативных нюансов большего и не требуется.

Впрочем, этим мы займемся завтра, а сегодня у меня будет множество других хлопот по подчистке хвостов в прошлом для меня мире тысяча девятьсот восемнадцатого года. Там и дело о покушении на Ленина, и необходимость поинтересоваться здоровьем самого Ильича, принятого на реанимацию в Аквилонии, а самое главное – программа по эвакуации в мои владения наиболее вменяемых генералов и офицеров, придерживающихся монархической ориентации в пространстве, ибо господа, добровольно вставшие на платформу либерально-демократического мировоззрения, мне и даром не нужны. Прежде чем я завтра снова сунусь в сорок первый год, побегать по всем этим делам мне придется как савраске, не говоря уже о том, что многое надо будет отложить на последующие дни, выбираясь в восемнадцатый год в паузы между делами в сорок первом.

Восемьсот четвертый день в мире Содома. Вечер. Зброшенны горад в Высоком Лесу, Башня Силы

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Вернувшись из сорок первого года в Ахтиарскую бухту мира Смуты, я первым делом лично, а не из ума в ум, пожал руки и произнес слова наивысшего одобрения девочкам-пилотессам за весь тот шорох, что те навели на нацистских завоевателей мира – забывать о таких вещах никогда нельзя. Даже суровые и неприступные «волчицы» тут же растаяли, как мороженое на солнышке. Оттуда, прямо из ангара «Неумолимого», я открыл портал в собственный кабинет в заброшенном городе Тридесятого царства, где меня уже ждали Кобра, Бригитта Бергман, товарищ Сталин и товарищ Дзержинский, только что вернувшиеся из краткосрочного визита в Аквилонию. Там им было представлено плавающее в регенерирующей ванне опутанное трубками и проводами системы жизнеобеспечения обнаженное тело вождя мировой революции.

– Операция прошла успешно, – сказала Кобра, – поврежденная часть продолговатого мозга будет заменена биоэлектронным чипом, который сейчас выращивают в специальной установке, а пока товарищ Ленин спит и видит счастливые сны. Товарищи Авило Аарон и Чиек Ден не считают возможным выводить его из этого состояния до полного врастания чипа в организм, на что может уйти не один месяц.

– Да, – подтвердил Сталин, – мы там были и все видели собственными глазами. Условия, в которых находится товарищ Ленин, нас устраивают, и даже более того. Товарищ Лилия была права: ни один госпиталь нашего мира не смог бы обеспечить ничего подобного. Кстати, товарища Дзержинского Аквилония буквально шокировала.

– Это так, – кивнул главный советский Торквемада. – То общество состоит из людей разных эпох и разных народов, и в то же время оно, несомненно, бесклассовое, социалистическое и даже коммунистическое. Удивительно и то, как партия большевиков там мирно дружит с местной христианской церковью, но больше всего меня поразила межзвездный корабль русской галактической империи, прилетевший туда из отдаленного будущего. Коммунистическая империя – это же человеческому уму непостижимо!

– Есть у меня подозрение, – сказал я, – что фазы коммунизма может достичь только общество с имперской или квазиимперской системой управления, где явный лидер стоит над всеми стратами, классами и партиями, осуществляя управление в интересах всей нации, а не отдельной группы населения. Беда и вина династии Романовых в том, что под воздействием европейского влияния она постепенно срасталась с дворянством, а то, в свою очередь, из служилого сословия превращалось в паразитический класс помещиков, полностью оторвавшийся от простого народа. Результатом такого процесса стала описанная товарищем Лениным революционная ситуация, когда низы более не хотят жить в таком государстве, а верхи не могут достигать своих целей, причем даже тех, что прямо предписаны им социальной ролью, что вызвало отставание в развитии и проигрыш нескольких войн. Нищета народа в Российской империи определялась не столько запредельной эксплуатацией, сколько чрезвычайно низким уровнем экономического развития, заниматься которым в верхах не хотели, ибо им и без того хорошо, а все, что требуется немногочисленному правящему классу, можно привозить из-за границы. Первый галактический император Шевцов учел эту ошибку, и при сохранении квазифеодальной фразеологии создал такую вертикально интегрированную систему, в которой положение определяется только заслугами перед обществом и государством. И дети императора, и дети графов, и дети крестьян в момент жизненного старта получают абсолютно одинаковые возможности в виде всеобщего и обязательного начального и среднего образования, и затем их дальнейшая жизнь и карьера определяются только уровнем лояльности к обществу, личными способностями и усердием. Товарищ Шевцов создавал свою конструкцию для противостояния цивилизации кланов эйджел – хуже организованной, но обладающей над его Империей огромным численным превосходством. Для этого ему потребовалось извлечь из народной массы самых лучших стратегов и тактиков, гражданских управляющих, ученых и инженеров. Самых лучших – а не тех, кто просто унаследовал положение своих предков. Судя по тому, что созданное им государство непрерывно расширяется уже двести пятьдесят лет, у него это получилось. У вас, товарищи, задача схожая, только противостоять вам необходимо не инопланетной цивилизации, а многократно превосходящей вас людскими ресурсами и промышленной мощностью мировой империалистической системе. Впрочем, и эйджел со счетов сбрасывать не стоит, ведь еще неизвестно, как поведет себя их цивилизация, когда обнаружит, что хумансы на планете-прародительнице вступили в фазу быстрого роста, выводящую их на космический уровень. Сейчас вам в первую очередь следует учиться у всех, у кого только возможно. У меня – как создать армию, предназначенную для решения стратегических задач. У мира товарища Половцева – как построить правильную коммунистическую идеологию. У верхних относительно вас миров Основного Потока – как не совершить их ошибок. У Аквилонии – как организовать наилучшую систему воспитания и образования граждан. Кроме того, предстоит осваивать весь тот свод знаний, что хранится в памяти искина Бенедикта.

Товарищ Сталин, слушавший меня с чрезвычайным вниманием, при слове «учиться» отчетливо восторженно встрепенулся.

– Вот тут, товарищ Серегин, вы совершенно правы, – сказал он, – если есть такая возможность, то следует учиться у того, кто знает, а не набивать собственные шишки, каждый раз заново изобретая велосипед. Что касается русской галактической империи, то ее квазифеодальная фразеология нам не нужна и прямо вредна, а вот все остальное перенимать у нее можно и нужно. А сейчас мы хотели бы послушать выводы товарища Бергман о том, кто и с какой целью организовал покушение на товарища Ленина.

– Несостоявшегося убийцу товарища Ленина зовут Леонид Канегисер, – ответила начальник моей службы безопасности. – Этот человек довольно хорошо известен в Основном потоке, потому что это именно он убил Моисея Урицкого. И почерк в обоих покушениях один и тот же: оба раза – и тогда, и сейчас – он стрелял своей жертве в затылок, потому что не мог посмотреть ей в глаза. Впрочем, чего еще было ждать от психопата геростратова толка? Но это далеко не все. В Основном потоке из этого человека сделали экзальтированного террориста-одиночку, хотя даже невооруженным глазом было видно, что убийство Урицкого в Петрограде и случившееся почти одновременно с этим покушение на товарища Ленина в Москве – элементы одного широкого заговора против Советской власти, настоящие авторы которого пребывают в Лондоне и Париже. И в этот раз – то же самое. Очищая партию большевиков от агентов Антанты, мы совершенно забыли о том, что будущие лидеры левых эсеров тоже отсиживались в эмиграциях, где их могли завербовать иностранные разведки. Ярчайший пример – международный террорист Борис Савинков, но он в этой среде явно был не один такой. Кстати, двое из тех людей, что сразу бросились бить господина Канегисера, являлись членами его террористической ячейки, и их задачей было не помочь ему спастись, а организовать такую волну народного гнева, чтобы товарищ Дзержинский лишился возможности допросить убийцу. Сейчас нам точно известно, что решение совершить покушение – это не частная инициатива отдельных членов левоэсеровской партии, а приказ их ЦК, взявшего курс на вооруженную борьбу против «засилья» большевиков в органах советской власти. Им нужно было не мирное построение социализма, а кровавый хаос по всей стране – отсюда и абсолютно нежизнеспособный проект земельного закона и переход к террору после его провала на Съезде Советов. По-другому вести политические дискуссии эти люди просто не умеют.

Слушая речь Бригитты Бергман, Дзержинский выглядел как школьник перед строгим учителем. Но это было далеко еще не все.

– Товарищ Бергман, – произнес Сталин с сильным акцентом, – а почему в мире товарища Половцева левые эсеры вели себя прилично, а у нас взбеленились – так же, как и в Основном Потоке, несмотря на то, что товарищ Серегин самым серьезным образом предупредил их не делать ничего подобного?

– В мире товарища Половцева имелся фактор грозных и неумолимых Старших Братьев, сразу же вросших в тело большевистской партии всей своей массой, – ответила начальник моей службы безопасности. – Кроме того, переход власти к большевикам там осуществился мирным путем, и первым, кто взбунтовался против товарища Ленина и товарища Сталина, был комплот Троцкого и Свердлова, чей мятеж Красная Гвардия подавила со всей возможной жесткостью и даже жестокостью. Видимо, левоэсеровские деятели просчитали, что в таких условиях их бунт неизбежно потерпит поражение. Кроме того, возможно, имелись и другие действия советских служб безопасности, не ставшие впоследствии достоянием широкой общественности. А у вас все было совсем не так. Товарищ Серегин, один во всех лицах, бывал в вашем мире наскоками, занимаясь то одной, то другой проблемой, а с остальными вопросами вы должны были справляться сами, для чего мы организовали повышение квалификации товарищу Дзержинскому и прочим товарищам. Ну нет у нас десяти тысяч русских из двадцать первого века, патриотичных и фанатично преданных идее построения справедливого общества, чтобы они могли кадрово подкрепить ваши партийные и государственные структуры.

– Да, – сказал я, – возможности действовать так же, как классические старшие братья, у меня нет, а потому я помогаю в критических ситуациях, рассказываю и показываю, а со всеми текущими проблемами вы должны справляться самостоятельно, тем более что у меня только что открылся новый тяжелый фронт. Туда, в сорок первый год, мне понадобится бросить подавляющую часть сил и уделить идущим там процессам наибольшее внимание.

– Как там? – спросил Сталин.

– Там уже началось, но все еще не так плохо, как могло быть, – ответил я. – На завтра у меня намечена решающая операция, которая выбьет тот мир из Основного Потока, после чего я смогу отвлекаться от тамошних дел лишь ненадолго и очень небольшими силами. Так что с белофинским вопросом я вам еще помогу, потому что желание вздернуть Маннергейма на древе за измену Российскому государству никуда не исчезло, а дальше по возможности сами, сами, сами.

– Хорошо, товарищ Серегин, мы вас поняли, и будем просить о помощи только в самом крайнем случае, – произнес будущий лучший друг советских физкультурников, вставая. – А если у вас возникнет непонимание с товарищем Сталиным из сорок первого года, то вы всегда можете рассчитывать на нашу поддержку – и как член нашего ЦК, и как человек, очень много сделавший для укрепления Советской Власти. Есть мнение, что на этом следует закончить наш разговор и приступить к решению первоочередных задач, а их и у нас, и у вас выше головы. Идемте, товарищ Дзержинский, нам с вами предстоит отдельный разговор – о том, как не допустить дальнейших промахов и просчетов. А вам, товарищи, мы желаем всяческих успехов.

31 (18) января 1918 года. Вечер. Румыния, местечко Скинтея в 26 километрах к югу от Ясс, место дислокации Дроздовской добровольческой бригады (300 штыков)

Известие об уничтожении Добровольческой армии и гибели генералов Корнилова, Алексеева и Маркова, инициировавших эту затею, без особых подробностей докатилось до остатков Румынского фронта днем восемнадцатого января по юлианскому календарю. Для добровольцев, собиравшихся под знамена полковника Дроздовского, это была катастрофа. Некуда теперь было стремиться и не к кому идти, ибо для людей, в штыки воспринявших действительность, что была дана им в ощущениях, исчез единственный центр притяжения. Генерал Щербачев, командующий Румынским фронтом, уже прислал Дроздовскому телеграмму, что в сложившихся обстоятельствах он считает продолжение деятельности добровольческой организации бессмысленным, а потому освобождает господ офицеров от данных ими обязательств и распускает уже набранные формирования.

И вот теперь в маленькой комнатке дощатого домика, считавшегося штабом бригады (по численности едва дотягивавшей до батальона), сидели полковник Дроздовский, его начальник штаба полковник Войналович и офицер по особым поручениям штабс-капитан² Бологовский, думая тяжкуюдуму. Ротмистр в бригаде «дроздов» занимался индивидуальным террором против большевиков и вообще разных «комитетчиков», и успел замарать себя множеством кровавых дел. И если одни его жертвы и сами были в крови по уши, то про других так сказать было нельзя. Сам он потом (в Основном Потоке) в мемуарах хвастался, что за время пребывания добровольцев в Румынии убил более семисот человек, но так ли это было, точно сказать невозможно.

² В большинстве источников этого человека называют ротмистром, но нам удалось выяснить, что зимой 1917-18 годов он был штабс-капитаном, капитана получил летом 1918 года уже в Добровольческой армии, а потом при переходе в кавалерию стал ротмистром.

Дроздовский упрямо стоял за поход – куда угодно, хоть к черту в зубы; прочие же господа добровольцы уже засомневались. Планируемый поход выглядел даже не авантюрой, а чистым безумием, но и оставаться на месте тоже было нельзя. Германия из войны с Советами вышла самым неприличным образом, можно сказать, сбежала. Остался только Румынский фронт, и теперь королевскому правительству в Яссах вместо переговоров о сепаратном мире с Германией и Австро-Венгрией приходилось выслушивать требования о безоговорочной капитуляции. Австро-Венгрия еще со времени Крымской войны облизывалась на эти земли, и сейчас решила, что пришел ее час, потому что русские солдаты воевать не будут ни при каких обстоятельствах, а боеспособность собственной румынской армии находится на уровне племенного ополчения какой-нибудь дикой туркестанской народности. Германия прибарахлилась Польшей, а потому и австрийцы (точнее, венгры) тоже хотят уйти с этой войны с добычей.

Но самые странные вести приходили из Киева, захваченного крайне дисциплинированным и боеспособным русскоговорящим воинским соединением неизвестной государственной принадлежности, вполне уживающимся с большевиками, а Центральная Рада Украины в полном составе прекратила свое существование, так как всех этих деятелей подвергли декапитуации. Киев к Румынии значительно ближе, чем Петроград или Ростов-на-Дону, поэтому Дроздовский даже заслал туда на разведку нескольких офицеров-эmissаров под прикрытием, но все они сгинули бесследно, как камень, упавший в прорубь. Впрочем, и без дополнительных сведений было известно, что в Киеве некий Артанский князь Серегин вербует в свое войско господ офицеров, категорически не желающих жить под властью Советов, а большевики даже как-то и не против этой бурной деятельности.

Поэтому и возникли среди добровольцев такие шепотки, что если, мол, вариант с походом на Дон выглядит таким безнадежным, быть может, вместо Дона следует отправиться в Киев? Это были именно шепотки, потому что сам Дроздовский этой идеи не поддерживал, намереваясь прорываться только на Дон, ведь даже после гибели Корнилова должны же там остаться хоть какие-то враги большевиков. А авторитет среди добровольцев у него имелся просто высочайший, поэтому все они пойдут туда, куда укажет вождь, умрут, но не отступят. Но все это были уже пустые хлопоты, ведь у того, кто поставил кровавую точку в истории корниловщины, дошли руки и до маленького отряда полковника Дроздовского, который никакой контрреволюции, конечно, не совершит, но крови может пролить немерено.

Погода в ту ночь стояла ясная, с неба довольно ярко светила луна в фазе четыре пятых, ночной морозец сковал подтаивавшую днем жидкую грязь, превратив ее в ледяные наплывы – поэтому, когда вокруг летних бараков (громко называемых «казармами»), где разместились дроздовцы, из полумрака с тихим свистом появились пузатые силуэты «Шершней» в полицейском обвесе, для часовых это оказалось полной неожиданностью. Потом бараки накрыла плотная волна парализующего излучения, и начавшаяся было лихорадочная суэта внезапно оборвалась. Не затронутым ударом остался лишь домик, где размещался штаб, так как к находившимся там людям у Артанского князя Серегина был отдельный разговор.

Дроздовский и его собеседники вдруг услышали, как снаружи началась непонятная суэта, треснул одиночный выстрел из винтовки, а потом все будто отрезало. Штабс-капитан Бологовский встал было со стула и, расстегнув кобуру, собрался выйти и посмотреть, что происходит, но тут дверь раскрылась сама, и в помещение штаба вошел... экс-император Николай Александрович, собственной персоной.

– Добрый вечер, господа, – сказал он офицерам, остолбеневшим и онемевшим от удивления.

Впрочем, на этом удивительные явления не закончились: следом за Николаем Романовым вошел его младший брат Михаил Александрович, за ним – еще один Михаил Гордеевич Дроздовский – только не полковник, а капитан генерального штаба, и, наконец, офицер с погонами штабс-капитана в буро-болотной форме незнакомого покроя. Этот незнакомец и привлек

к себе всеобщее внимание – во-первых, старинным прямым мечом в потертых ножнах вместо обычной офицерской шашки, во-вторых, зависшим над обнаженной головой нимбом христианского святого, в-третьих, уверенным и властным выражением лица.

Дроздовский некоторое время переводил изумленный взгляд с одного визитера на другого, потом, наконец, сообразовали ответить бывшему царю:

– Добрый вечер, государь. Неужели это вы? А то мы слышали, что вас отправили в ссылку в Тобольск...

– Да это Мы, Михаил Гордеевич, собственной персоной, – слабо улыбнулся Николай. – А из ссылки в Тобольске Нас вместе с чадами и домочадцами извлек самовластный Артанский князь Серегин, воин и полководец, Специальный Исполнительный Агент Творца Всего Сущего, Карающий Бич Господа, Защитник Земли Русской, и в то же время настолько высокопоставленный большевик, что он своим решением может арестовывать и выбрасывать во тьму внешнюю любого члена их ЦК. Господа Троцкий, Свердлов, Иоффе, Бухарин и многие другие – сейчас не более чем окаменевшие экспонаты в галерее моральных уродов, находящейся в его замке в Тридесятом царстве. И в тоже время он резко враждебно относится ко всем, кто поднял мятеж против власти Советов и желает разжечь Гражданскую войну на просторах нашей бывшей Империи, поскольку сам Господь уже сделал свой выбор в пользу позитивной части партии большевиков и категорически против того, чтобы в России разгорелась братоубийственная война. Я тоже был в шоке, ознакомившись с делами того, кто должен будет сместить господина Ульянова на посту предводителя большевизма и стать русским Бонапартом. Я бы не смог так поднять страну на дыбы и повести ее в огонь сражений – руки, знаете ли, слабоваты; а этот человек смог совершить то, что прежде удавалось только Петру Великому. При мне Российская империя по промышленной мощи в несколько раз уступала как Германии, так и любой другой европейской державе, а трудами этого человека большевистская Россия превратилась в одну из двух сущих в мировых сверхдержав. Воевать против таких людей – значит противиться воле Господа и воевать против самой России. Теперь господин Серегин пришел сюда, так как ни вам, ни вашим людям места в этом мире больше нет, и только от вас, господин Дроздовский, зависит, пойдете ли вы отсюда вместе с ним по-хорошему, добровольно, или по-плохому, под конвоем.

От таких слов бывшего императора у господ монархистов буквально опустились руки и ослабели ноги. Зачем жить и за что сражаться, если тот, кого они назначили своим знаменем, сам сдался под напором обстоятельств и отказался от борьбы? На самом деле бывший император поднял руки еще год назад, но люди, сидевшие в этой комнате, верить в это не желали.

– Государь, – обратился Дроздовский к бывшему царю, – я ничего не понимаю... ведь большевики – это разрушители России, а вы говорите, что они приведут ее к невиданному величию... Скажите, быть может, вы находитесь под принуждением и вас силой вынудили говорить такие невероятные и ужасные речи? В таком случае, должен сказать, что у меня здесь под рукой три сотни преданных вам добровольцев, и стоит вам только дать знак, как они освободят вас из злого плена.

– Ты что, дурак, Миша? – вместо Николая Романова ответил Дроздовскому его альтер-эго из четырнадцатого года. – Неужели не видно, что все мы пришли сюда абсолютно добровольно?

– А вы кто такой, сударь? – резко парировал Дроздовский из восемнадцатого года. – Вы похожи на меня как брат-близнец, но у меня не было никогда никаких братьев, а только сестры... Подозреваю, что вы актер-мистификатор, загримированный и наряженный в меня только для того, чтобы сбить нас всех с толку.

– Я – это ты, Миша, только из прошлого для господина Серегина мира четырнадцатого года, – ответил Дроздовский-младший – Там он со всеми своими полномочиями вмешался в европейскую войну в самом ее начале, в результате чего супостат начал терпеть одно поражение за другим, а к началу ноября уже все было кончено. Германская империя пошла с нами

на мировую, а Австро-Венгрия была разбита вдребезги и распалась на составляющие территории.

– Не сходится, сударь! – встопорчился Дроздовский из восемнадцатого года. – На войне с японцами, в деле при деревне Семалу, я был ранен пулей в бедро, после чего осталась неизлечимая хромота, а вы вошли сюда походкой абсолютно здорового человека.

– Ну так в госпитале у господина Серегина меня вылечили и от того ранения, что я получил в бою с австрийцами, и от последствий старой раны, – ответил Дроздовский-младший. – И тебя тоже вылечат от всех твоих болячек, стоит только отказаться от дурацкого намерения объявить войну большевикам.

Дроздовский-старший хотел было произнести еще что-то резкое и возмущенное, но Артанскому князю надоели эти бессмысленные препирательства, и он с лязгом потянул из ножен свой меч Бога Войны. Сияющее лезвие залило комнату неистовым светом Первого Дня Творения, и так же ярко засияли нимб, архангельские крылья и корзно. Господа Дроздовский, Войналович и Бологовский зажмурились, а громовой голос Защитника Земли Русской стал размеренно произносить слова священной молитвы:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь!

Не успел Артанский князь, призывая в свидетели Небесного Отца, произнести и двух первых предложений, раздался резкий вибрирующий вой, будто кого-то заживо зажаривают или сдирают шкуру. Это штабс-капитан Бологовский упал со стула и в корчах катался по полу, а от его тела поднимался зловонный дымок. Дроздовский-старший и Войналович, непрерывно крестясь, с ужасом смотрели на это. Экс-император, его брат и Дроздовский-младший тоже накладывали на себя крестное знамение, но гораздо спокойнее, ведь они знали, что ни Творец Всего Сущего, ни его Специальный Исполнительный Агент никогда не причинят вреда невинному человеку, и что если господина Бологовского и постигла Кара Божья, так это за то, за что не может быть никакого прощения.

И вот Серегин дочитал молитву и вложил меч в ножны, однако неистовый свет не угас, а будто растворился в воздухе, высвечивая каждый уголок. Почерневшее тело штабс-капитана к тому моменту уже не дергалось, а только слабо дымилось.

– Господин Серегин! – вскричал полковник Войналович, привстав со стула. – Что вы сделали с нашим несчастным штабсом?

– Я с вашим приятелем не делал ровным счетом ничего, – ответил тот, – а только призвал сюда самого Господа, чтобы он глянул на вас вблизи и решил, стоит пытаться вас убедить или лучше отправить в ад следом за озверевшей корниловской сворой, залившей кровью Ростов и окрестности. Господин Бологовский единственный из вас оказался необратимо одержим бесами слепой ненависти и жажды убийства, а потому его участь Верховным Судией была решена сразу и однозначно. Вы сейчас тоже находитесь пред лицом Творца, который есть разлитый тут повсюду свет, так что ведите себя прилично. Вернуть на трон павшую династию Романовых сейчас так же невозможно, как и оживить покойника, тем более что идти таким путем не желают ни Николай Александрович, ни его брат Михаил.

– Да, господа, – вздохнул экс-император, – как оказалось, Мы – человек никчемный, пригодный только к участи обычного гражданина, который только пилит дрова и ходит на охоту. Наш младший брат, конечно, поспособнее, но и он не желает впутываться в подобные авантюры. Поэтому мы просим не мучить нас и себя и оставить свой безумный замысел, который не приведет ни к чему, кроме не нужных никому человеческих жертв, в том числе и среди ваших товарищей.

Дроздовский-старший и Войналович переглянулись.

– В таком случае, – сказал Дроздовский, – мы просто не знаем, что нам делать, так как с большевиками, какими бы хорошими, по вашему мнению, они ни были, мы в любом случае не уживемся. Я имею в виду не только себя лично, но и своих людей: всех нас просто тошнит от наглых комитетских³ рыл.

– Мы об этом знаем, – сказал Артанский князь, – а потому зовем вас и ваших людей в мир сорок первого года, на Священную Войну, в которой русский народ отражает нашествие орды технизированных германских варваров, отстаивая свое право на существование. Та война началась с вероломного нападения противной стороны, без выдвижения претензий и объявления о начале боевых действий, и была как миллион Порт-Артуров сразу. На одного русского солдата навалилось три немецких, а на направлениях главных ударов вражеское превосходство было десятикратным. Фронт рухнул сразу и покатился на восток, как в пятнадцатом году во время вашего Великого Драпа. Сейчас там идет всего лишь десятый день войны, но если не принять экстренных мер, война докатится до Петрограда, Москвы, Воронежа, Царицына и Кавказа...

– Постойте, господин Серегин! – вскричал Войналович. – А как же союзники?

– Нет на той войне у России никаких союзников! – резко ответил тот. – Франция и Британия в своем извечном высокомерии отказались создавать тройственную систему безопасности, поэтому Германия не упустила возможности разгромить своих врагов поодиночке. Французскую армию, до войны считавшуюся сильнейшей в Европе, они разгромили годом ранее всего за полтора месяца. Германское наступление началось десятого мая, а уже двадцать второго июня Париж капитулировал. Британский экспедиционный корпус понес тяжелые потери, и едва смог убраться к себе на Острова.

– Насколько я понимаю, исходя из нынешней политической ситуации, – хмыкнул Дроздовский, – правят в той России будущего победившие нас большевики?

– А не все ли вам равно, кто правит в России, если ей грозит полное уничтожение и истребление ее народа? – парировал Серегин. – Разве не вы призывали ставить превыше всего интересы России, защищать ее жителей, без различия классов и партий, с оружием в руках, не жалея самой жизни? Вождь германской нации Адольф Гитлер повел на восток свои серые орды, пообещав каждому солдату поместье с послушными славянскими рабами, а также право безнаказанного грабежа и убийств. Идеология национал-социализма, овладевшая широкими народными массами Германии, считает всех неарийцев людьми второго сорта и недочеловеками, подлежащими порабощению или истреблению. Любой, кто выступит против такой напасти, будет прославлен в лике святых, а тот, кто откажется, может считать себя иудой.

– Хорошо, господин Серегин, – после некоторого раздумья сказал Дроздовский, – мы не иуды, и если дела обстоят так, как вы сказали, то мы согласны выступить в поход против германской армии будущего. Но что потом – вы опять оставите нас жить в большевистской России?

– Совсем нет, – ответил Артанский князь. – Вы и ваши люди пойдете со мной вверх по мирам, к родному для меня началу двадцать первого века, где большевизм уже исчерпал себя и закончился естественным путем. Господь обещал отдать один из тех миров в мое личное ленное владение, и там вы получите и место для поселения, и средства для существования, так как армия России нужна всегда, а такие солдаты как вы, это ее элита элит.

– Ну что же, – произнес Дроздовский, – это вполне достойный вариант. Кроме того, всегда мечтал посмотреть, как живут люди через сто лет после нас. Наверное, сейчас необходимо построить моих людей и объявить о принятых решениях. Я в них уверен: со мной пойдут все – хоть на Дон, в сорок первый год, хоть штурмовать Врата Ада.

Серегин отрицательно покачал головой и ответил:

³ Имеются в виду члены солдатских комитетов в полках.

– Построить ваших людей, Михаил Гордеевич, сейчас не получится, потому что они спят и видят страшные сны. В противном случае у нас вместо этого разговора получился бы встречный бой на истребление, а мне такого не надо. Сейчас мы переправим вас вместе с ними в одно из моих владений и поговорим через несколько часов, когда все они придут в себя.

– Сергей Сергеевич, – сказал Дроздовский-младший, – а что если, в виде исключения, моего, гм, брата и его людей разместить не в Артании, как обычно, а прямо в Тридесятom царстве? Ну а потом мы с Михаилом Александровичем быстро введем их в курс дела.

– Это возможно, – кивнул тот и добавил: – Кстати, Михаил Гордеевич, генерал-лейтенант Михаил Романов будет вашим непосредственным начальником и боевым командиром. Есть такое хорошее правило – класть подобное к подобному. А сейчас, господа, давайте пошевеливаться. Через несколько часов у меня важная боевая операция, так что необходимо закончить все дела как можно скорее.

Восемьсот четвертый день в мире Содома. Поздний вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу, Карантинный лагерь

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Дело с обращением (или, как говорят в Галактической империи, инверсией полковника Дроздовского) потребовало от меня немало нервных и магических усилий. Но, в отличие от Корнилова, этот человек того стоил: вокруг него собрались те, что намеревались сражаться не за свое привилегированное положение господ, а потому, что им было за Державу обидно. Этого командира и в старой царской армии, и у «добровольцев» любили все подчиненные – от ближайших помощников до нижних чинов, что было бы невозможно, если бы тот оказался апологетом классовой спеси и барского превосходства над быдлом. И таким же был его помощник и начальник штаба полковник Войналович: слуга царю, отец солдатам; а вот штабс-капитан Бологовский был слеплен совсем из другого теста, что и предопределило его кончину. Когда Николай Александрович отрекомендовал меня как члена центрального комитета партии большевиков, штабс-капитана охватил запредельный уровень тщательно скрываемой злобы. Этот человек убивал только из-за угла, ударом в спину, или если жертва была уже обезоружена и поставлена на колени, а потому до поры до времени умело скрывал свою ненависть.

Но для меня господин Бологовский был как на ладони: я видел его злобу, но понимал, что должен покончить с ним так, чтобы не вызвать отторжения в Дроздовском и Войналовиче. Впрочем, Небесного Отца я позвал не из-за него, а потому, что дискуссия между двумя Дроздовскими слишком затянулась, а у меня действительно не было времени на лишние разговоры. В результате, когда исходящий от Отца Святой Дух вступил в реакцию аннигиляции с бесами слепой ненависти и жажды убийства, выделившаяся при этом энергия просто сожгла штабс-капитана изнутри. Обычно при обряде экзорцизма бесов не уничтожают, а изгоняют во тьму внешнюю, поэтому и обходится он по большей части без летальных последствий, но Небесному Отцу такая тонкая работа недоступна, и, увидев зло, он бьет его в мах изо всей силы.

«Да, Сын Мой, – услышал я в своей голове гроыхающий голос, – это действительно так. Для тонкой работы мне нужны добровольные помощники из вас, людей – аватары и специальные исполнительные агенты».

Впрочем, после того, как мы с Дроздовским договорились, дальше все делалось быстро, как и принято в артанской армии. Из раскрывшихся порталов выбежали рабочие остроухие и принялись грузить бессознательных добровольцев на носилки и перетаскивать к месту временного карантинного полевого лагеря. А там уже на деревьях тускло светят магические огни дежурного освещения, на траве расстелены толстые матрасы-пенки, а над ними растянуты тенты, защищающие от солнца днем и моросящих дождиков в предутренние часы.

В то же время другие остроухие через другой портал охепками таскали винтари и по двое переносили пулеметы «максим». Не забыли и о конях, которых люди Дроздовского

отжали в разложившихся драгунских частях. Это казаки драпали с фронта вместе со своими лошадьми, потому что те были их личным имуществом, кавалеристы же из мужичков, грузясь в эшелоны, бросали казенную собственность без сожаления. Я приказал оставить также весь натрофейный автотранспорт и пушки, за исключением двух шестидюймовых орудий образца десятого года.

Когда Дроздовский с Войналовичем удивились такому отношению, пришлось пояснить, что их грузовики и единственный броневик в сорок первом году годятся только в музей. С артиллерией немного лучше, но в сорок первом году на полях сражений и германских базах трофейного вооружения можно набрать несколько тысяч полевых орудий в той же весовой категории, что и пушка образца второго года, но гораздо более совершенных и дальнобойных. С шестидюймовками же совсем иное дело. Там можно найти либо те же самые орудия времен первой мировой войны на однобрусном лафете с базовым весом в пять тонн (в очень небольшом количестве), либо гаубицы следующего поколения с раздвижными станинами, вес которых исключает их транспортировку упряжками лошадей. А у меня пока напряженка с тягачами и грузовиками, способными тащить на крюке по восемь тонн.

Когда все эти дела были закончены и в бараках добровольцев остался только ненужный хлам, мы с господами командирами перешли в Тридесатое царство, и я закрыл за собой портал. Можно представить, какое изумление испытали «гости», попав из унылой зимней румынской ночи в тропическую ночь волшебной страны, где царит вечное экваториальное лето: светится огнями Запретный город, на танцплощадке играет оркестр и вспыхивают разноцветные сполохи магической цветомузыки, а над головой зависло бездонное черное небо с незнакомым рисунком звезд.

– Где это мы, господин Серегин? – спросил Дроздовский, расстегивая шинель.

– Эта равнина среди Высоких гор называется Тридесатым царством, – пояснил я, – а весь этот мир – это проклятый миром Содома: ибо именно сюда несколько тысяч лет назад Господь сослал грешных жителей Содома и Гоморры, но и в ссылке они не исправились, и, более того, завели себе новые богомерзкие привычки. Впрочем, к нашим делам это не относится.

– Но все же, господин Серегин, можно немного поподробнее? – сказал полковник Войналович, с любопытством озираясь. – А то вы о нас знаете все, а мы о вас ничего.

– Да, – подтвердил Дроздовский, – в ваших полномочиях мы не сомневаемся, ибо факты налицо, а вот кто вы такой, ваши цели и задачи – для нас пока тайна за семью печатями. Сочетание титулов самовластного монарха, доверенного человека Творца Всего Сущего, Бича Божьего, Защитника Земли Русской, и в то же время высокопоставленного большевика выглядит просто невероятно.

– Моя цель и задача, – сказал я, – защита интересов России и ее народа во всех мирах и временах – именно России, а не сословной монархии господ Романовых и не партии большевиков. Тут у меня в гостях время от времени бывают молодой князь Александр Ярославич (будущий Невский), император Петр Второй (который в то же время Первый), фельдмаршал Кутузов со своим императором-воспитанником Николаем Павловичем, а также соратники императора Александра Николаевича, князь Алексей Орлов и великая княгиня Елена Павловна...

– Постойте, – прервал меня полковник Войналович, – но ведь император Николай Павлович вззошел на трон аж через двенадцать лет после смерти фельдмаршала Кутузова?

– Это было так в мирах Основного Потока, то есть не подвергавшихся изменениям воздействиями извне, – ответил я. – Когда мне было поручено изменить судьбу мира, находившегося на уровне тысяча восемьсот двенадцатого года, я в первую очередь переиграл Бородинскую битву, размолотив в фарш наполеоновскую Великую армию. При этом мое воинство было небольшим, но тяжелым молотом, а русские полки – массивной несокрушимой наковальней. Иностранных интервентов на российской земле я воспринимаю как безусловную мерзость

и стараюсь как можно скорее определить их, кого в могилу, кого в плен. Оказался в плену и сам Наполеон со своими маршалами и Гвардией. И тогда на готовенькое к армии прискакал император Александр Павлович – награждать непричастных и карать невиновных. А у меня и Создателя по его поводу уже имелось совершенно особое мнение. В итоге после короткого разговора «властитель слабый и лукавый» подал в отставку, передав трон своему самому младшему брату Николаю. Его воспитателем и наставником, а также по совместительству Канцлером Империи был назначен Седой Лис Севера, то есть Кутузов. Мои врачи подлечили этого человека, избавив его от последствий ранений и старческих болячек, и еще с полвека в том мире скучно не будет никому, это я вам гарантирую. А Александр Павлович, под именем графа дю Нор, присоединился к моей компании в качестве гостя с открытым листом. Больше всего этот человек любит путешествовать, и я предоставил ему такую возможность. За истекший год экс-император уже успел посетить постюстиниановскую Византию и помолиться в храме Святой Софии, побродить по кривым улочкам древнерусских городов, получить благословение первого русского патриарха Иова, а также побывать в некоторых из вышестоящих для него миров середины девятнадцатого и начала двадцатого века. И только к вам я его не пустил, ибо входить в клетку с тиграми и гиенами – совсем не его стезя.

– Ах вот оно как, господин Серегин... – покачал головой Дроздовский. – Слабого царя свергли, но сами на трон не полезли, а назначили законного наследника, присовокупив к нему такого воспитателя и соправителя, как фельдмаршал Кутузов, к которому мы с Михаилом Кузьмичом испытываем величайший пиетет.

– Так и есть, – подтвердил Войналович. – Но нам непонятны ваше отношение к Российской империи в двадцатом веке и особенно причины вашего пиетета к большевикам в нашем мире, при том, что в других временах, по вашим словам, вы вели себя как истинный патриот и монархист.

– Отношение к Российской империи в двадцатом веке у меня такое же, как и во все предыдущие времена, – сказал я. – В мире русско-японской войны после сокрушительных побед русского оружия император Николай подал в отставку, и на трон взошел его младший брат Михаил. Кстати, два других Михаила Александровича из вашего восемнадцатого и из четырнадцатого годов между собой прекрасно ладят, а со своим самым первым коронованным воплощением встречаться не хотят – мол, экое он чудовище: разгневавшись за непонятливость, боярам морды бьет и за власы таскает собственной рукой.

– Сергей Сергеевич прав, – сказал молчавший до сей поры Михаил Александрович, – при виде такой решимости вздеть Россию под уздцы и вознести на невиданную высоту – и завидно, и в то же время боязно, как от мысли кинуться с обрыва головой в омут. А с отношением к большевикам лучше разбираться уже с утра. Завтра после завтрака я приду к вам сюда с учебниками истории, изданными, скажем так, через полвека после вашего времени, и тогда вы сами узнаете, что думали о вашем времени не столь уж отдаленные потомки, и что смогли и чего не сумели свершить большевики за время своего правления Россией. А сейчас поздно уже... вон и танцы закончились, народ расходится.

И как раз в этот момент вдали замечались фары «хозяйки» из танкового полка, то есть грузовика Газ-66, предназначенного на учениях развозить в удаленные подразделения обед. При виде этой простенькой, в общем-то, машины господ полковники чуть не сронили челюсть. По сравнению с изделиями современного им автопрома (в основном французского) она выглядела как эталон мощи и совершенства.

Развернувшись, «шишига» сдала задом и остановилась, а затем наряд бойцовых остроух сгрузил на землю фляги-термосы с едой на пятьсот человек, ящики с мисками, кружками, ложками и поварешками.

– Вот, – сказал я, – с сего момента вы у нас на довольствии, и это для вашего подразделения первый то ли поздний ужин, то ли ранний завтрак. Раздадите его людям, как только они

придут в себя. А дальше приемы пищи будут идти по распорядку три раза в день. И еще – прошу пока не покидать этого места. Завтра Михаил Александрович, помимо того, что прочтет вам курс политграмоты на сто лет вперед, объяснит правила поведения подразделения, находящегося в карантине.

– В карантине? – переспросил Дроздовский. – Но среди моих людей нет больных заразными болезнями.

– Это не инфекционный карантин, – с мрачным видом произнес я. – Выйти из него смогут лишь истинные Защитники Отечества, которые в течение двух-трех дней непременно почувствуют непреодолимое желание принести мне страшную встречную клятву верности и вступить в ряды нашего Воинского Единства. Тогда я скажу им: «Я – это вы, а вы – это я, вместе мы сила, а по отдельности мы ничто, и я убью любого, кто скажет, что вы не равны мне, а я не равен вам», и эти слова будут засвидетельствованы в Небесной канцелярии. У нас не предадут, не злословят и не бьют в спину, все мы один за всех и все за одного. Со всеми прочими, для кого такая клятва неприемлема, мы будем разбираться отдельно. Но думаю, что их будут единицы, потому что вы, Михаил Гордеевич, тщательно подбирали людей в свой отряд.

– Теперь все понятно, господин Серегин, – криво усмехнулся Дроздовский. – Моего обычного согласия подчиниться вам оказалось недостаточно, теперь еще необходимо непреодолимое желание принести вам какую-то встречную страшную клятву...

– Не барагозь, Миша! – резко сказал Дроздовский-младший. – Тут все до единого, кто держит в руках оружие, принесли Сергею Сергеевичу такую встречную клятву – и я, и Михаил Александрович, и византийский стратег Велизарий, и герои Бородинской битвы: Багратион, Неверовский, братья Тучковы и многие прочие, что после излечения в местном госпитале решили, что их место среди тех, кто будет защищать Россию в иных мирах и временах. Неужто ты считаешь себя лучше таких людей?

Из Дроздовского-старшего будто выпустили воздух. Некоторое время он смотрел на нас непонимающим взглядом, а потом махнул рукой и сказал:

– Ладно, если тут такие правила для всех, то пусть будет так! Посмотрим, придет оно ко мне, это желание или нет.

– Придет, куда ты денешься, – сказала его альтер-эго из четырнадцатого года. – Ко мне оно пришло, когда еще не закончился курс излечения после ранения в руку, и встречную клятву я приносил в госпитальном халате и тапочках на босу ногу, ибо терпеть уже не было сил. И тебя тоже не минет чаша сия, ибо ты – это я, а потому все черты характера, достоинства и недостатки у нас с тобой одни на двоих. А сейчас и в самом деле пора заканчивать этот разговор, не зря же говорят, что утро вечера мудренее.

3 июля 1941 года, 9:05 мск, Минск, здание бывшего штаба Западного Особого Военного Округа, а ныне место дислокации штаба группы армий «Центр», кабинет командующего.

Захватив Минск, немцы, недолго думая, разместили свои учреждения в тех же зданиях, где располагались их советские аналоги. Гестапо (точнее ГФП) осело в здании управления НКВД, военная комендатура – в бывшем горисполкоме, а штаб группы армий «Центр» с комфортом разместился в здании штаба военного округа. Кабинет командующего генерал-фельдмаршалу Федору фон Боку чрезвычайно понравился. Роскошная, солидная, и даже помпезная, обстановка располагала к неторопливым стратегическим размышлениям и упоению мощью победоносного вермахта: большевики без оглядки бегут на восток или десятками тысяч сдаются в плен, а прославленные германские войска неудержимо продвигаются вперед. Правда, темпы наступления пока уступают тому, что было предусмотрено планом «Барбаросса», но у командующего группой армий «Центр» есть надежда, что после капитуляции окруженных

западнее Минска разрозненных и дезориентированных советских частей все пойдет как по маслу. Правда, накануне на прежде ясном горизонте появились отдельные черные тучки.

Сначала, еще утром, две панцердивизии (семнадцатая из панцергруппы Гудериана и двенадцатая из панцергруппы Гота) несмотря на приказы штаба группы армий «Центр», вдруг снялись с позиций вокруг окруженных советских войск и начали передислокацию для выполнения последующих задач по плану «Барбаросса». Генерал-фельдмаршал фон Бок заподозрил в этих действиях фронду зазнавшихся выскочек-танкистов, и это его очень разозлило. К тому же командующий четвертой армией генерал-фельдмаршал фон Клюге пожаловался своему начальнику, что панцерманы из семнадцатой дивизии оставили свои позиции без предупреждения, из-за чего через образовавшуюся дыру из кольца окружения в направлении южнее магистрали Брест-Минск сумела просочиться довольно большая группа большевистских войск. Это тот самый фон Клюге, по кличке «Умная Лошадь», который двадцать девятого июня, на восьмой день войны, издал приказ расстреливать на месте не только евреев и комиссаров, но и женщин в военной форме, потому что их служба в армии «нарушает естественные гендерные роли». Даже сам фон Бок обалдел от такой инициативы своего подчиненного-маньяка и отменил его приказ, приказав женщин в военной форме брать в плен.

Потом, около трех часов пополудни (по берлинскому времени) пришло сообщение из под Борисова, где восемнадцатая панцердивизия вела отчаянные бои за расширение плацдарма на восточном берегу реки Березины. У всех остальных подвижных соединений в полосе группы армий «Центр» наступление развивалось как по маслу, и только генерал-майор Вальтер Неринг имел несчастье нарваться на боеготовую и желающую драться группировку большевиков. Но это донесение, доставленное полоумным мотоциклистом, не было известием об очередной победе, одержанной германскими войсками – скорее, наоборот. Какой-то майор Карл Хаза (пузатая мелочь, с высоты поста командующего группы армий неразличимая без микроскопа) доносил, что восемнадцатая панцердивизия погибла, подвергшись удару множества большевистских боевых летательных аппаратов неизвестной конструкции. Заподозрив в этом сообщении еще одну злую шутку, генерал-фельдмаршал фон Бок распорядился арестовать курьера и приказал вызвать генерал-майора Вальтера Неринга по радио, чтобы уточнить обстановку. Но штаб восемнадцатой панцердивизии не отзывался, как ни старались немецкие радисты в Минске.

Тогда штаб группы армий «Центр» догадался напрямую связаться со штабом второго авиакорпуса, в том числе поддерживающего действия германских войск под Борисовом. Все подтвердилось, и даже более того. Оказалось, что и «мальчикам Геринга» тоже досталось по первое число, в то же время и в том же месте, и сейчас они оплакивали потери второй группы тяжелых истребителей из двести десятой эскадры скоростных бомбардировщиков, первой группы из семьдесят седьмой штурмовой эскадры, и жестокий разгром (семьдесят процентов потерь) пятьдесят первого ягдгешвадера. Как раз его пилоты, чудом удравшие от свирепых «Карателей», доложили, что на земле творится полный разгром: все горит, и вообще непонятно, остались ли там живые немецкие солдаты.

После этого сообщения в штабе фон Бока все забегали ошпаренными тараканами. В район Борисова на трех бронетранспортерах (один из них с мощной рацией) в сопровождении роты мотоциклистов выехала оперативная группа, составленная в основном из офицеров абвера (военной разведки) и ГФП (полевой полиции, иначе называемой «гестапо вермахта»). Первые должны были разобраться в том, что произошло, а вторые – нет ли в этом какой-нибудь измены. Первое сообщение о том, что первоначальная информация подтвердилась в полном объеме, и даже, с жутковатыми подробностями (раненых почти нет, но полно тех, кто от пережитого сошел с ума), поступила в Минск к шести часам вечера.

А уже в десять часов (рапорта и пленки доставили связным «Шторьхом») Федор фон Бок имел возможность «любоваться» не только что отпечатанные, еще влажные, фотогра-

фии сцен Борисовского погрома. На восточный берег реки, где опять окопались большевики, немецких фотографов не пустили (да они не очень-то и хотели, так как подходящей натуры им хватало и без того). Вот, к примеру, борт «тройки», изрешеченный из малокалиберной пушки так, будто он сделан не из крепкой германской брони, а из тонкой консервной жести, а вот это кровавое пятно – все, что осталось от неудачника-панцермана. А вон воронки – на том месте, где ожидали очереди на переправу грузовики со снарядами, а вон и бывший бетонный шоссеый мост, с разрушенными до основания двумя средними опорами.

Восемнадцатую дивизию, решил Федор фон Бок, теперь предстоит формировать заново, и форсирование реки тоже придется проводить с самого начала, да еще и в гораздо худших условиях, ибо мостов, которые можно захватить с помощью хитрости или нахрапа, теперь просто нет. При этом он просто боялся подумать о том, что будет с его группой армий «Центр» и всем Третьим Рейхом, если такие истории станут повторяться регулярно. Нет, нет, только не это.

Ночью старику снились кошмары. С ясного неба, исчерченного огненными письменами, на него пикировали странные аппараты, похожие на гигантских поджавших лапы стальных пауков, воздух вокруг кричал стоном рвущихся басовых струн, и то тут, то там разверзалась земля, выбрасывая столбы огня. А он, Федор фон Бок, такой маленький, пытался втиснуться в какую-нибудь щелку, в тщетной надежде спасти свою жизнь, и молил небеса о спасении. Утром от всего пережитого, и так-то далеко не юный красавец, командующий группой армий «Центр» стал похож на живого мертвеца, в русском народном фольклоре фигурирующего под именем Кошеля Бессмертного.

И вот в тот момент, когда в кабинет к Федору фон Боку вошел генерал Гудериан и щелкнул каблуками, вытягиваясь перед начальством (выскачка, как назло, оказался пунктуален), в здании штаба вдруг началась непонятная суеда. Раздались крики на вполне понятном немецком языке: «Бросай оружие, руки вверх, не шевелиться!» и топот множества ног, прозвучало несколько отдельных выстрелов в здании, а у входа прогреготала гулкая пулеметная очередь. В приемной командующего что-то невнятное пискнул испуганный адъютант, потом с треском выбитых шпингалетов толстая дубовая двухстворчатая дверь распахнулась настежь, и в кабинет ворвались четверо вооруженных до зубов громил. У одного в руках был единый пулемет с примкнутой патронной коробкой, у трех других – укороченное подобие перевернутой вверх ногами автоматической винтовки Мадсена. Лица всех четверых были раскрашены диагональными полосами черного цвета, что придавало им устрашающий и свирепый вид, а форма цветом, покроем и красной звездочкой на каске отдаленно напоминала советскую. Именно что отдаленно, ведь не бывает у солдат Советов жилетов с множеством карманов, надетых поверх противопульных кирас, касок, обтянутых тканью защитного цвета, толстых перчаток с обрезанными пальцами и, самое главное, погон! Типичные большевики обычно должны быть раскаты, туповаты и неумелы, а эти – как идеальные боевые машины с взведенной до отказа пружиной.

– Хенде хох, херрен генерален! – по-немецки рявкнул тот, что с пулеметом. – Стоять смирно перед нашим обожаемым военным вождем, ибо он есть тяжелый бич в деснице Господней!

И когда вошел тот, кого отрекомендовали с такой помпой – обмундированный так же, как его солдаты, среднего роста, с серыми глазами и жесткими чертами лица профессионального воина – руки у Федора фон Бока сами потянулись вверх, и Гудериан последовал его примеру. И произошло это не потому, что в правой руке тот человек держал сияющий бело-голубым светом меч архангела Михаила, а из-за пронзившего двух этих беспощадных убийц понимания, что теперь все хорошее закончилось навсегда – не только для них, но и вообще для Третьего Рейха. Они пытались гнать от себя это чувство, но тщетно.

– Ну вот и все, господа генералы, – сказал вошедший, вкладывая меч в ножны. – С этого момента вы мои личные пленники. А там посмотрим, кого отправить на плаху, а кого еще можно приспособить к доброму делу.

– Да кто вы, черт возьми, такой?! – воскликнул фон Бок, в то время как один из солдат вытаскивал у него из кобуры пистолет.

– Человек я не здешний, поэтому мое имя вам ничего не скажет, – саркастически усмехнулся незнакомец. – Могу лишь сообщить, что как Специальный Исполнительный Агент Творца Всего Сущего, Бич Божий, Адепт Порядка, младший архангел и заместитель Святого Михаила по земным делам, Бог священной оборонительной войны, а также Защитник русских, сербов и болгар, я имею приказ моего Патрона очистить этот мир от скверны, то есть от вашего Третьего Рейха и всего того, что вызвало к жизни его существование. Собравшись в завоевательный поход на восток за землями и послушными рабами, вы сами выбрали себе такую судьбу – быть битыми смертным боем.

– Но почему Господь решил защищать не немцев, а русских, ведь они такие глупые и бес-толковые?! – воскликнул фон Бок. – За последние сто лет они не выиграли ни одной войны, в то время как германская армия шла от победы к победе!

– Ой, что вы говорите, герр фон Бок? – всплеснул руками незнакомец. – И последнюю войну с Антантой ваша армия тоже выиграла? Или побежала, сверкая пятками, из-под Парижа прямо до хаты в фатерланд? А в этой войне вы еще даже не нюхнули цветочков, не говоря уже о том, чтобы отведать ягодки. Это во Франции пятьсот километров – уже конец географии, а в России это всего лишь щипок за бок. А в ответ прилетит так, что и не удержишь.

– Но большевизм – это колосс на глиняных ногах! – надменно вскинул голову гитлеровский генерал-фельдмаршал. – Стоит ударить его посильнее – и все рассыплется в прах!

– Большевизм, – громовым голосом назидательно произнес заместитель архангела Михаила, за спиной у которого развернулись крылья, а над головой засиял нимб, – это форма народного русского государства. Чтобы защитить его, мужчины как один возьмутся за оружие, а женщины и подростки встанут к станкам. Потом будут четыре года тяжелейшей войны, которая zalьет кровью половину Европы, и в конце ее над раздолбанным вдребезги Берлином взвьется алое знамя советской победы, после чего о Германии можно будет говорить только в прошедшем времени. Нет, государство у вас на какое-то время еще останется, да только немцы в нем станут уже не те – надорвутся и измельчают, так же, как после поражения Наполеона измельчали французы. А ведь милейший Боня тоже воевал с Россией и дошел до Москвы, да только тот поход стал началом конца его Империи. Впрочем, теперь никаких четырех лет войны не будет – все пойдет проще, быстрее и страшнее, ведь вы, мерзавцы, собираетесь не только убивать солдат на поле боя, но и истреблять пленных в концлагерях, а также мирное население на оккупированных территориях, потому что ваш вождь уже освободил вас от такого понятия, как совесть. А убийства безоружных и беззащитных ни я, ни мой Патрон не прощаем.

Федор фон Бок еще хотел что-то сказать, но непреклонный прищелец, прислушавшись к чему-то внутри себя, прервал его резким движением руки и скомандовал:

– На этом все, герр фон Бок, разговор окончен. Задача нашей операции выполнена, обратная амбаркация ударной группировки завершена. Нам тоже пора уходить. А теперь, парни, проводите господ генералов до геноссе Бергман.

Раз – и в стене кабинета образовалась дыра, за которой виднелся другой мир, пронизанный нестерпимым палящим зноем и благоухающий миррой и ладаном. Вот тут-то Федору фон Боку и Гейнцу Гудериану стало по-настоящему нехорошо. Одно дело, когда рациональный немецкий разум подсказывает своему хозяину, что, скорее всего, напавшие на штаб люди до поры до времени прятались в потайной части подвала, а значит, деваться им некуда, а нимб, крылья и светящийся меч у их предводителя – это дешевая имитация, цирковой фокус. Минск полон немецкими войсками, и поэтому господ германских генералов и прочих штабистов скоро

освободят, а нахалов строго накажут. Надо лишь немного потянуть время пустой болтовней. И совсем другое чувство наступило при понимании того, что эти самые нахалы могут прийти в любое место по выбору, сделать свое черное дело, а потом отступить тем же путем, и преследовать их для обыкновенных смертных будет невозможно.

Толчок прикладом в спину от одного из солдат – и вот сначала фон Бок, а потом и Гудериан оказались на другой стороне, пересекли границу между мирами, будто шагнули из комнаты в комнату. А тут все не как у людей: какой-то город в древнекитайском стиле, башни-пагоды с выгнутыми крышами, площадь с фонтаном, вооруженные до зубов женщины-солдаты в тропической форме, мужчины-офицеры и, несмотря на невероятную жару, ощущение мороза по коже всем телом. Такого же просто не может быть!

Восемьсот пятый день в мире Содома. Утро. Зброшенный город в Высоком Лесу, Площадь Фонтана

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Ощущение, что этот мир покинул Основной Поток, пришло ко мне в тот момент, когда я только вошел в кабинет командующего и даже не успел сказать ни одного слова. При этом ключевым персонажем, влияющим на ход событий, оказался не похожий на Кошея Бессмертного генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, а неугомонный живчик Гейнц Гудериан, который моими способностями бога войны тестировался как тактик первого класса. На должность нового командующего группой армий «Центр» у Гитлера кандидатуры найдутся, причем по большей части даже лучшего качества, чем Федор фон Бок, а вот Гудериана ему заменить некем. Этот маньяк танковой войны лично вникал во все вопросы, мечась между корпусами и дивизиями своего корпуса, и в то же время оставлял достаточно инициативы командирам на местах. Так что Федора фон Бока после первого установочного допроса стоит поставить в стасис на хранение, чтобы потом предъявить товарищу Сталину, а с Гудерианом можно и поработать.

Остальные же старшие чины штаба группы армий «Центр» – начальник штаба генерал-майор Ганс фон Грейфенберг, начальник оперативного отдела генерал-майор Хеннинг фон Тресков, начальник разведывательного отдела генерал-майор Рудольф фон Герсдорф – из своих кабинетов попали прямо в казематы моей службы безопасности, оказавшись в цепких руках товарища Бригитты Бергман и криминальди-ректора Курта Шмидта. И ним же угодила прочая «вкуснятина», включая так называемых «переводчиков» (а на самом деле эмигрантов-остзейцев). К ним у меня отдельный счет, как к людям, пошедшим войной на свою первую родину, чтоб не тискали потом свои гадские мемуары, в не менее гадском эмигрантском издательстве «Посев». Эти кадры еще даже не представляют, как жестоко они попали, очутившись в моих владениях.

На советской стороне военных талантов, способных поколебать мощь Третьего Рейха, достаточно, но все они пока находятся на глубоко вторичных должностях (как полковник Катукон), а мощнейшими мехкорпусами и приграничными армиями мирного времени, ныне полностью разгромленными, командовали полные придурки, или, если вспомнить Власова и Понеделина, вообще потенциальные предатели. Исключения из этого правила – 9-й механизированный корпус под командованием Рокоссовского и 21-й механизированный корпус под командованием генерала Лелюшенко. Но как раз эти корпуса не были мощнейшими, имели на вооружении только танки старых образцов и не были укомплектованы по штату даже количественно. Полностью укомплектованный мехкорпус на 22 июня 1941 должен был иметь в своем составе сто двадцать шесть танков КВ, четыреста двадцать Т-34, триста двадцать девять БТ-5 и только тридцать четыре Т-26 в огнеметном варианте. Ни у Рокоссовского, ни у Лелюшенко современных танков не было ни одного. В девятом мехкорпусе имелось порядка трех-

сот, а в двадцать первом – около ста танков Т-26. И все. Но эти корпуса дрались с врагом так, что любо-дорого посмотреть: и крови у врага выпили достаточно, и знамен своих не посрамили.

Но все это так, архивные данные. С момента выхода мира сорок первого года из Основного Потока своей сущностью бога русской справедливой оборонительной войны я ощутил, что не меньшее количество военных гениев и богоравных героев так и остались не известными истории. Эти люди погибли в первые месяцы войны или попали в плен во время многочисленных окружений, из которых им не суждено было выйти, а ведь они могли свершить многое и многое. От таких соображений я начинаю наливать такую благородную ярость, что самому становится страшно. Первое, чем следует заняться сейчас в полосе разгромленного Западного фронта, это вызволением из осады гарнизона Брестской крепости. Затем необходимо обратить внимание на бродящих по лесам окруженцев и выявить среди них разного рода командный состав, в первую очередь генералов и полковников. Трусов же и придурков, вроде генерала Голубева и маршала Кулика, лучше сразу пускать на мясо. Не было тут таких никогда, и точка. Зато способные и морально стойкие командиры мне нужны как воздух, так как без них невозможно сформировать боеспособное соединение из окруженцев и освобожденных из лагерей военнопленных. А у меня и командующего для такой армии еще нет – ведь подобное следует класть к подобному, и я не смогу присоединить выходцев из сорок первого года ни к армии Велизария, ни к армии Багратиона...

«Генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев тебе подойдет? – с некоторой ехидцей спросила энергооболочка. – Вместе со своим адъютантом полковником Сухаревичем он сейчас бродит по лесам в треугольнике Барановичи-Минск-Слуцк, и, возможно, где-то рядом находятся остатки штаба десятой армии вместе с так нелюбимыми тобой генералом Голубевым и маршалом Куликом. Генерал Карбышев выходил из окружения вместе со штабом десятой армии до тридцатого июня, когда при попытке перехода шоссе Барановичи-Минск в ходе боя штаб был рассеян и прекратил существование как организованная единица. Пятого июля в районе местечка Узда Карбышев встречает отряд пограничников Августовского погранотряда под командованием майора Здорного, численностью около двух тысяч штыков, к которому ранее присоединились генерал Голубев, маршал Кулик и остатки штабных. А десятого июля, за неделю до выхода отряда из окружения, генерал Карбышев и полковник Сухаревич снова переходят к самостоятельным действиям – предположительно, по причине личного конфликта с Куликом, Голубевым или обоими этими деятелями. Но это еще не точно. Безупречно правильному восприятию мешает туман времени, недостаточное количество выживших свидетелей и очевидцев, а также различные домыслы и вымыслы мемуаристов, желающих очернить или обелить того или иного деятеля. Так что окончательное решение ты должен принять сам, при помощи своих дополнительных способностей, а я в этом деле пас».

Ну что же, в таком случае задачу по поиску генерала Карбышева необходимо ставить перед Коброй и разведчиками капитана Коломийцева. Сеть сканирующих спутников вокруг мира сорок первого года уже полностью развернута и функционирует, а потому идентификация нужных людей представляет собой исключительно техническую задачу. И пограничники в деле прерывания вражеских коммуникаций мне тоже не будут лишними. А я сам тем временем займусь гарнизоном Брестской крепости (героев надо выручать), а также приступлю к нарушению снабжения германских войск на Московском направлении, с чем на первых порах прекрасно справятся мои злобные фурии на «Шершнях». Полностью снабжения они не отрежут, но германский автопарк и подвижной состав на железных дорогах изрядно проредят, чем существенно сократят поток грузов, поступающих к передовым частям. Начнем с этого, а там будет видно. В любом случае, мир сорок первого года – это очень надолго: есть у меня предчувствие, что просто разгромить Третий Рейх для решающего изменения истории тут будет совсем недостаточно.

Восемьсот пятый день в мире Содома. Полдень. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

С помощью гарнизону Брестской крепости вышла незадача. Из данных, собранных сканирующей сетью, следовало, что фаза активных боев закончилась несколько дней назад, и теперь сопротивление продолжают только одиночки и мелкие группы, определить точное расположение которых среди разрушенных укреплений методами орбитального сканирования невозможно. Зато четко и однозначной была полученная картина расположения на местности более-менее однородных групп людей с различными типами мышления.

Места концентрации немецкомыслящих контингентов (скорее всего, принадлежащих к личному составу сорок пятой пехотной дивизии и различным тыловым службам вермахта) обозначались на карте синим цветом и дугой охватывали крепость, частью занимая бывшие советские казармы, а частью располагаясь в палаточных лагерях. Местное население польского и белорусского происхождения было помечено изумрудно-зелеными и травянистыми пятнами, при этом белорусы по большей части к советской власти сохраняли нейтралитет, а вот поляки сотрудничали с немцами, считая их освободителями. И тут же, среди оттенков зеленого – густые синие кляксы вокруг Центрального и Полесского железнодорожных вокзалов. Но больше всего мое внимание привлекло ярко-красное пятно, обозначающее лагерь для советских военнопленных и интернированных гражданских лиц – то есть семей командиров и различных ответработников. Располагалось это небогоугодное заведение в километре к северу от крепости, сразу за линией железной дороги, и еще одно, совсем небольшое, красное пятно имелось в самом городе у железнодорожного депо. Вот и вся картина маслом в четырех цветах.

У меня даже кулаки зачесались. Если героический гарнизон спасать уже поздно, то за него следует отомстить, а лагерь военнопленных эвакуировать хотя бы в Артанию. К тому же Брест – это крупный транспортный узел, через который по шоссе и железной дороге к фронту непрерывно идет поток грузов, и разрушение его логистической инфраструктуры входит в круг моих ближайших задач. При взгляде на карту создавалось впечатление, что сам город – это не более чем рабочий поселок и административный центр, при мощном транспортном узле. Сначала у меня возникла мысль накрыть места компактного расположения германских зольдатенов депрессионно-парализующим излучением, а потом послать туда солдат генерала Багратиона с приказом поубивать всех германцев к чертовой матери – так же, как поубивали нукеров монгольских ханов и темников при разгроме летней ставки кагана Угэдэя.

Но потом я понял, что этот план весьма дурно пахнет. Подобного образа действий не поймут ни мои Верные германского происхождения, ни Небесный Отец, желающий вразумления и искупления грешника, а не его смерти. Ведь эти немцы самого начального периода войны на Восточном фронте под влиянием безнаказанности и вседозволенности не успели еще полностью развратиться и оскотиниться. Все это будет потом, а пока, как подсказывает энергооболочка, захваченных в плен советских раненых бойцов и командиров они не пристреливают на месте, а направляют в госпиталь. Секрет такой гуманности прост. Еще недавно сорок пятая дивизия вермахта называлась четвертой австрийской дивизией, а потому ее солдаты и офицеры в значительно меньшей степени пропитаны нацистским душком, чем соединения, сформированные на территории Германии.

И в то же время немыслимо перетаскивать руками в фильтрационный лагерь пятнадцать тысяч бесчувственных тел – именно такой остаток личного состава имелся в сорок пятой дивизии после потерь при штурме Брестской крепости. Внезапная ночная атака «Шершней» и встречный бой тоже не подходят, ибо так этих австрийцев можно только поубивать, а не пленить, да и мои ветераны Бородина при этом тоже понесут ненужные потери. Тут требу-

ется придумать нечто такое, серединка на половинку, чтобы и волки были целы, и овцы сыты. Противника необходимо лишить возможности оказывать осмысленное сопротивление, и при этом он должен пойти в плен своими ногами... Собственно, задача решаемая, только операция уже не будет молниеносной, ибо с момента обработки парализаторами австро-германской биомассы до начала отправки пленных колоннами через порталы пройдет никак не меньше восьми часов, а всего дело может затянуться на половину суток, от полуночи до полудня.

С другой стороны, чего мне бояться? Никаких значимых сил, за исключением этой самой сорок пятой дивизии, у вермахта в окрестностях Бреста нет. Налет люфтваффе мне тоже не страшен. Когда в воздухе «Шершни», то господство в воздухе переходит к ним, и перестает работать главная фишка германского командования «вот налетят “юнкеры” и все разбомбят». Для Брестской операции я назначил дивизию генерала Воронцова, а освобождать лагерь военнопленных должен будет разведбатальон капитана Коломийцева. Поиски генерала Карбышева пока отложены, ибо брать под контроль эту компанию удобнее после пятого числа, когда та присоединится к отряду майора Здорного, уже идентифицированного орбитальной сканирующей сетью с вероятностью девяносто процентов. По крайней мере, других таких крупных отрядов с высоким уровнем мотивации и боевым духом в указанном районе нет.

При этом надо учесть, что график движения на железной дороге довольно напряженный, и за двенадцать часов на станцию Брест-Центральный может прибыть несколько эшелонов – как с запада, так и с востока. Из глубокого тыла в зону боевых действий доставляют маршевые пополнения, боеприпасы и топливо, которые расходуются просто в огромном количестве, а в обратном направлении везут раненых и «почту» – то есть различное добро, награбленное ненасытными белокурами бестиями на временно оккупированных территориях. Советские войска при отступлении транспортную инфраструктуру не разрушали, поэтому уже на одиннадцатый день войны специалистам Дойчебана⁴ удалось наладить бесперебойное движение поездов от границы до Ново-Борисова и Бобруйска, что и обеспечило быстрый успех дальнейших наступательных операций группы армий «Центр». Разрушение Брестского транспортного узла станет одной из предпосылок краха блицкрига, и для этого мне понадобится саперный батальон капитана Трегубова.

Что касается спасения продолжающих сопротивление остатков крепостного гарнизона, то сами эти бойцы из своих убежищ не выйдут ни при каких обстоятельствах, это орбитальное сканирование установить смогло. Настроение у них драться до конца – умереть, но не сдаться, постаравшись забрать с собой как можно больше врагов. Для их обнаружения в развалинах укреплений необходимо сканирующее оборудование высокого разрешения и малого радиуса действия. В галактической империи и у диких темных эйджел такие психосканеры устанавливают на космические шаттлы и истребители, а потому в Аквилонии они имеются не в одном экземпляре. А вот задачи перед мастерскими «Неумолимого» на изготовление подобного оборудования я пока не ставил, ибо больше полагался на свои способности бога войны. Пришлось идти на поклон к товарищу Грубину и товарищу Орлову, и они мне не отказали. Шаттл темного клана «Игла Мрака» будет находиться в моем распоряжении в течение трех суток.

С майором Агеевым и его темноэйджеловскими женами я знакомство уже имел, правда, в шапочном порядке. И вот теперь они сидят в моем кабинете вместе с молодым (тридцать один год) генерал-майором Михаилом Воронцовым, капитаном Виктором Коломийцевым, командиром саперной роты капитаном Трегубовым и Коброй. Кобра поздоровалась с аквилонцами вполне дружески, ведь она пробыла у них в гостях гораздо дольше моего, при этом капитан Коломийцев смотрел на темных эйджел с любопытством, а генерал Воронцов – с некоторой опаской, но без неприязни. Темные эйджел выглядят лишь чуть малость более экзотичными, чем мои бойцовые остроухие или госпожа Зул бин Шаб, а к ним мои герои-бородинцы уже при-

⁴ Дойчебан – немецкие железные дороги.

выкли. Госпожа Азилиен тоже внимательно рассматривала сидящих напротив людей, потом тихонько сказала что-то на ухо своему мужу, после чего тот кивнул.

– Итак, товарищи, – сказал я, когда участники совещания насмотрелись друг на друга, – цель нашей операции – город Брест. Задача номер один – освободить пленных русских солдат и гражданских лиц, заточенных в лагере военнопленных севернее города. Заниматься этим будет батальон товарища Коломийцева. Задача номер два – разгромить и пленить личный состав сорок пятой пехотной дивизии, до сегодняшнего дня занимавшейся осадой Брестской крепости – стоит перед третьей пехотной дивизией генерал-майора Воронцова. Для сведения наших потерь к минимуму места дислокации подразделений противника подвергнутся предварительной обработке парализующим излучением, после чего останется только разоружить бесчувственные тела и забрать ставшее бесхозным материальное имущество и вооружение. Задача номер три – после завершения боевых действий до основания разрушить брестский транспортный узел – возлагается на саперный батальон капитана Трегубова.

– Так значит, идем имать полон... – хмыкнул генерал Воронцов. – А раньше вы, Сергей Сергеевич, от подобных действий воздерживались.

– Раньше, – сказал я, – у меня была возможность сплавлять пленных местным русским властям и умывать затем руки. Но тут пока и контакт с руководством страны не установлен, и само оно еще не готово принимать пленных десятками тысяч. И в тоже время люди, которых вам предстоит взять в плен, еще не так плохи, чтобы я мог отдать приказ на их безусловное уничтожение. Такие операции еще будут, но не здесь и не сейчас. Проблема только в том, что после применения парализаторов нам придется задержаться в Бресте на длительное время, чтобы обезоруженные пленные смогли очнуться и уйти через порталы своими ногами, ибо задача на руках перетащить через порталы пятнадцать тысяч бесчувственных тел выглядит бессмысленной и невыполнимой.

Майор Агеев переглянулся с госпожой Азалиен и спросил:

– Скажите, товарищ Серегин, а разве ваше парализующее оружие не имеет возможности регулировки по фокусировке и уровню мощности? Сначала, когда темные эйджел клана «Игла Мрака» применяли парализатор против руководства Аквилонии, то все попавшие под удар пришли в себя на протяжении часа. Потом, при операции нашего ополчения по захвату недружественно настроенной команды потерпевшего времякрушение парохода «Сити оф Глазго», мощность парализующего излучения снизили до минимума, а фокусировка растворила на максимально возможный угол. Противник после применения оружия остался в сознании, но оказался полностью дезориентирован и потерял возможность оказывать осмысленное сопротивление, в результате чего операция обошлась не только без стрельбы, но и без применения грубой физической силы.

– Да, – подтвердила госпожа Азалиен, опустив глаза, – наш муж прав, так и было.

Я на мгновение ушел внутрь себя, в средоточие Воинского Единства, чтобы задать соответствующий вопрос Климу Сервию, и получил ясный и недвусмысленный ответ, что такая перенастройка вооружения предусмотрена его конструкцией. Для этого надо либо разблокировать соответствующую оружейную консоль и обучить пилотесс процессу регулировки мощности вооружения, либо изменения в настройки парализаторов технический персонал может внести вручную в процессе подготовки «Шершней» к вылету. С учетом очень небольшого времени, оставшегося до начала операции, главный инженер «Неумолимого» рекомендовал именно второй вариант – дополнительно обучать летный состав просто некогда.

– Как сообщает Клим Сервий, такая регулировка возможна, – сказал я вслух, – противник после обработки будет живой, но немножко вареный и сильно напуганный, что упростит задачу Михаилу Семеновичу. Но, в любом случае, необходимо удерживать Брест до полного достижения всех целей операции: эвакуации советских военнопленных и полного уничтожения мостов, путевого хозяйства и оборудования железнодорожного узла, чтобы как минимум

недели две немцы через Брест ничего возить не могли. На этом пока все, товарищи, конкретные задачи каждому подразделению я поставлю из ума в ум после детально доразведки объекта шаттлом аквилонского клана «Игла Мрака». А пока всем находиться в готовности и ожидать приказа с прикладом у ноги.

4 июля 1941 года, 0:05 мск, Москва, Кремль, кабинет Сталина.

Совещание в кабинете Вождя продолжалось уже три часа. Первыми ровно в девять часов вечера третьего июля в кабинет зашли члены государственного комитета обороны Вячеслав Молотов, Климент Ворошилов, Георгий Маленков и Лаврентий Берия, а также примкнувшие к ним нарком внешней торговли Анастас Микоян и нарком путей сообщения Лазарь Каганович. В девять часов пятьдесят минут зашел первый зампред Совнаркома Николай Вознесенский, а в десять часов тридцать пять минут вошли секретарь Московского обкома ВКП(б) и начальник Совинформбюро Александр Щербаков, а также командующий Московским военным округом генерал-лейтенант Павел Артемьев. При этом надо отметить, что Щербакова люто ненавидел Никита Хрущев, и в тоже время сильно уважал Василевский, как и Сталин, который завизированные им документы подписывал без промедления. Артемьев доложил, как идет отправка на фронт частей его округа, и вышел в двадцать три часа пятнадцать минут, и тут же в кабинет вошел заместитель Берии по пограничным и внутренним войскам генерал Иван Масленников, параллельно исполнявший должность командира оперативной группы Западного фронта.

С Западным фронтом дело обстояло неважно. Фронт первого формирования, которым командовал генерал армии Павлов, к началу июля фактически был разгромлен и прекратил свое существование. А Западный фронт второго формирования (командующим которым тридцатого июня назначили генерала Еременко, а второго июля его сменил маршал Тимошенко) еще предстояло создать из частей внутренних округов, спешно выдвигающихся из глубины советской территории. Фактически к западу от рубежа Витебск-Орша-Могилев-Рогачев-Жлобин лежало сплошное белое пятно, на котором непонятно что происходило, и только сражающийся гарнизон Борисова выглядел как волнолом в море вражеского нашествия.

Доложив свой вопрос, в двадцать три сорок генерал Масленников вышел, и тут же в кабинете появилась новая группа товарищей: ЧВС (Член Военного Совета) Западного направления Николай Булганин⁵, временно исполняющий обязанности начальника Главного штаба ВВС генерал-майор Иван Рухле, командующий ВВС генерал-лейтенант Павел Жигарев, заместитель командующего ВВС генерал-майор авиации Иван Петров, первый заместитель наркома госбезопасности комиссар государственной безопасности третьего ранга Иван Серов. Эти, кроме чекиста, зашли с опущенными головами: положение с авиацией тоже было катастрофическим. Истребительные, штурмовые и легкомобдардировочные полки приграничных округов попали под внезапный удар и погибли почти в полном составе; размещенные в глубине полки дальней авиации, летая без истребительного прикрытия и выполняя несвойственные задачи, несли тяжелые неоправданные потери.

А если есть проблема, рассуждал Сталин, то у нее должны быть фамилия, имя и отчество. От немедленного гнева карательных органов руководство советских ВВС спасал только тот факт, что директива от 21 июня о немедленном выводе войск из пунктов постоянной дислокации, а также рассредоточении авиации и перемещении ее на полевые аэродромы одинаково поступила во все приграничные округа. В полном объеме к утру 22 июня директиву выполнили

⁵ В некоторых источниках указано, что ЧВС западного направления председатель Госбанка Булганин был назначен только девятнадцатого июля. Но уже третьего июля он в таком качестве фигурирует в книге посетителей кабинета Сталина, из чего можно сделать вывод, что это назначение состоялось еще до войны 19 июня, сразу после Директивы от 18-го числа о повышении боеготовности. И лишь потом некоторые «товарищи», увидев такую невероятную дату, посчитали ее опечаткой и поспешили переправить на 19 июля.

только в Одесском военном округе, где потери войск и самолетов на земле оказались незначительными. В Киевском округе успели поднять по тревоге наземные войска, убрав их из-под первого удара, но авиация осталась на аэродромах. В результате генерала Птухина, командующего ВВС округа, приговорили к расстрелу, а командующий округом Кирпонос дождался героической гибели в бою при прорыве из Киевского котла. В Западном и Прибалтийском военных округах директиву полностью проигнорировали, из-за чего вражеское нападение оказалось внезапным и для наземных войск, и для авиации. Там злобные органы пустили на мясо почти все командование, за исключением командующего Прибалтийским округом генерал-полковника Федора Кузнецова, подписи которого не оказалось на самых одиозных приказах.

В послевоенной литературе публиковались сведения, что в полдень 21 июня генерал-полковник Кузнецов отдал приказ приводить войска округа в состояние повышенной боеготовности, эвакуировать в тыл семьи командиров и минировать дороги. Но порядка трех часов дня ему позвонили сначала Тимошенко, а потом Жуков, и устно в грубой форме потребовали войска в пункты постоянной дислокации вернуть и разоружить, семьи командиров в тыл не отправлять, дороги разминировать. Одним словом, команда как той избушке: повернуться к Москве передом, а к немцам задом, снять штаны и немножечко нагнуться. Но сие есть наглая Хрущевская брехня, выгораживающая одного из самых бестолковых генералов РККА и перекладывающая всю вину на Сталина, «не верившего в германское нападение», потому что как раз в это время к передаче в войска готовилась директива от 21 июня, и противоречащие ей устные указания попахивали государственной изменой. При этом ни с Тимошенко, несмотря его на многие грехи, ни с Жукова за всю войну не упал ни волос. Глупость и растяпистость Сталин понять и простить мог, а вот предательство – никогда.

В ноль часов ноль минут четвертого июля в кабинет вошли три последних посетителя: командир 212 дальнебомбардировочного полка подполковник авиации (и доверенный человек Сталина) Александр Голованов, начальник Генерального Штаба генерал армии Георгий Жуков и нарком ВМФ адмирал Николай Кузнецов. Подполковник Голованов прошел через весь кабинет прямо к столу Верховного главнокомандующего и выложил пачку фотографий.

– Вот, товарищ Сталин, – сказал он, – на фотографическую разведку к Борисову летал мой экипаж. Рапорт корпусного комиссара Сусайкова подтвердился в полном объеме. Германские позиции на окраине Борисова бомбоштурмовым ударом с воздуха разнесены в пыль, мосты через Березину разрушены до основания, линия фронта по руслу реки восстановлена, а на западном берегу имеет место настоящее кладбище разбитой германской техники и отчетливо видна работа похоронных команд. Также по обе стороны фронта наблюдаются места падения до полусотни⁶ сбитых самолетов. При этом ни наш полк, ни кто-нибудь из соседей в течение второго числа к Борисову не летал и участия в боевых действиях не принимал. Да вы и сами посмотрите: такого эффекта нашими средствами добиться невозможно.

Пока Сталин с непроницаемым лицом перебирал и рассматривал аэрофотоснимки, в кабинете стояла полная тишина. Кроме начальника генерального штаба Жукова, получившего доклад по своей линии, да всезнающего Берии, у которого были свои источники информации, никто из присутствующих не понимал, о чем речь.

– Очень хорошо, что все подтвердилось, – сказал вождь, отодвинув в сторону аэрофотоснимки и принимаясь набивать трубку табаком из раскрошенных папирос «Герцеговина флор». – Как следует из рапорта начальника обороны Борисова корпусного комиссара Сусайкова, вчера днем на выручку к нашим войскам с западного направления прилетели воздушные аппараты неизвестного происхождения, имеющие на бортах и брюхе опознавательные знаки «красная пятиконечная звезда» и устроили немцам то, что наши бойцы и командиры

⁶ На самом деле во время первого визита Серегина под Борисов было сбито значительно больше германских самолетов, но те из них, что взорвались в воздухе и распались на мелкие фрагменты, аэрофотосъемкой не распознаются.

давно ждали от родной советской авиации. С одной стороны, это хорошо, потому что немцы под Борисовым получили сильный удар по носу, потеряв как бы не целую танковую дивизию. С другой стороны, у нас возникают новые вопросы: кто это сделал, зачем им это надо и какую цену эти таинственные незнакомцы запросят за свою помощь с советского руководства, если с их стороны это вообще не разовая акция? Ну, что скажете, товарищи?

Товарищи молчали, потому что просто не знали, что следует говорить в таких случаях. Первым заговорил Молотов.

– По линии НКВД, – несколько невпопад сказал он, – на этот счет никакой информации нет.

– Ну ты чудак, Вячеслав, – усмехнулся Сталин чиркая спичкой, – пришел неизвестно кто, неизвестно откуда, неизвестно зачем, и сразу побежал к тебе в НКВД за разрешением повоевать на нашей стороне против немцев. И вообще, быть может, это была только рекламная акция, показ товара лицом. От потери одной танковой дивизии Гитлер не обеднеет, их у него много, а вот Красная Армия пока терпит одни только поражения и отступает, отступает... Не так ли, товарищ Жуков?

– Все так, товарищ Сталин, – с горечью сказал будущий маршал Победы. – Перед войной мы переоценили возможности Красной Армии, считая, что она в любых условиях сможет разгромить врага малой кровью на чужой территории, и недооценили мощь германской армии и степень коварства Адольфа Гитлера. Но мы победим, обязательно победим, потому что не можем не победить.

– Конечно, мы победим, – кивнул Сталин, – хотя бы потому, что, как говорил Бисмарк, в России нет такого пункта, достигнув которого Германия могла бы праздновать победу. Но вы только подумайте о том, в какую цену обойдется нам подобная война, какие разрушения и людские жертвы нас ждут на этом пути – и все оттого, что перед войной кто-то неправильно оценивал международную обстановку. Но что сейчас толку критиковать одних только военных: тогда все были хороши. Одни увлеклись дипломатическими играми со злейшим врагом в «пакт о ненападении», считая, что началу войны будут предшествовать некие «провокации», а другие не углядели, что на важнейшем западном направлении в нашем командовании окопались предатели и вражеские агенты. Не так ли, Лаврентий?

– Да, товарищ Сталин, – сказал главный инквизитор Советского Союза, – чем больше отдельных групп бойцов и командиров из состава приграничных армий Западного и Северо-Западного фронтов выходит из окружения, тем больше неразрешимых в обычном порядке вопросов у нас накапливается к их командованию, приказы которого в последние предвоенные дни иначе как предательскими не назовешь. И ведь не было же раньше ни одного сигнала о том, что это пробравшиеся в руководство армии шпионы и вредители. А те, кого мы арестовали, но потом, разобравшись, отпустили, сейчас воюют честно, и к ним нет никаких нареканий.

– А, ладно! – хмыкнул вождь, между затылками. – Что было, то прошло. Кто бежал – тот бежал, кто убит – тот убит. А что касается нынешних дел, то перестаньте уже стесняться и берите всех, начиная с Павлова⁷, кто окажется причастен к возможной измене, вне зависимости от званий, должностей и количества наград. Но это так, слабое утешение, потому что, расстреляв этих мерзавцев, мы потерянных армий назад не вернем.

В последний раз пыхнув трубкой, Сталин положил ее в пепельницу и добавил:

– И вот еще что, Лаврентий: распространи по своему наркомату циркуляр немедленно сообщать сюда обо все непонятных явлениях – как на линии фронта, так и в нашем тылу. Есть мнение, что эти таинственные незнакомцы, так громко проявившие себя под Борисовом, еще

⁷ Решение об аресте Павлова приняли на самом верху в ночь с третьего на четвертое июля. Разрешение на арест бывшего командующего фронтом и генерала армии мог дать только Сталин, как председатель Государственного комитета обороны, обладающего высшей военной, гражданской и хозяйственной властью в СССР.

могут выступить перед нами на бис или попытаться сразу вступить в контакт, чтобы, как это водится в капиталистическом мире, по тройной цене предложить свои услуги людям, находящимся в почти безвыходном положении. И вы, товарищ Жуков и товарищ Кузнецов, тоже имейте в виду, что все соглашения о взаимодействии с этими вроде бы дружественными чужаками должны заключаться только на уровне Ставки Верховного Главнокомандования и Государственного Комитета Обороны, а на местах не должно быть никакой художественной самостоятельности. Впрочем, если эти неизвестные помощники еще где-то ударят по врагу и, как под Борисовом, улетят, не выдвигая никаких требований, то разрешаю пользоваться подобной возможностью, не зевать и брать с врага столько, сколько получится. Иначе, товарищи, мы будем выглядеть полными дураками, а этого очень не хочется.

4 июля 1941 года, 1:35 мск, Брест и окрестности

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

На доразведку к Бресту я вылетел не на штурмоносце Елизаветы Дмитриевны, а на шаттле темных эйджел «Игла Мрака». Там, в мире сорок первого года, только что зашла луна, и ночную тьму рассеивало только сияние звезд. Но для галактической цивилизации, даже такой социально примитивной, как у эйджел, темнота не помеха. Видимость с высоты в пять километров великолепная – и в термоконтрастном режиме, и в режиме фотоумножения, и в режиме психосканирования. Правда, сейчас большинство наших будущих клиентов спят и видят сны – кто-то хорошие, кто-то не очень. А шаттл бесшумно кружит над ними в высоте, обещая немцам ужасы Гулага, а советским пленным – свободу и борьбу. Одного без другого не бывает. Вчера, готовясь к этой экспедиции, я решил вдруг посмотреть, а чего поделявает в настоящий момент товарищ Сталин, красный император, Вождь и Учитель, лучший друг советских физкультурников и прочая, прочая, прочая. А то как бы с его подозрительностью все не пошло потом вкривь и вкось.

Первым делом я проверил дачу в Кунцево, но там было пусто. То есть персонал и охрана присутствовали на своем месте и бдели, но вот Хозяин дома отсутствовал. Пришлось перемещать окно в Кремль, где довольно скоро я нащупал главный кабинет страны, битком набитый самым отборным советским бомондом. У товарища Сталина шло совещание. Хотя, если честно, половину присутствующих я бы отправил в Аквилонию проходить Путь Искупления, парочку прогневших насквозь персонажей сразу бы расстрелял, и только с остальными делал бы дело. И еще в большей степени это мнение касается деятелей, отсутствовавших на том совещании: Хрущевых, Тимошенок, Мехлисов да полоумных Лысенков. Впрочем, на данный момент это было неважно. Наиболее ценным уловом этого прослушивания стало мнение товарища Сталина по поводу нашей Борисовской эскапады. Предположить, что я за свою помощь потребую у него денег – это, по меньшей мере, пошло. Долю от общей победы – это еще вполне возможно...

– Слушай, Серегин, – сказала мне энергооболочка, – бери от Германии в качестве временного эксклава административный округ Данциг, и этого тебе будет достаточно. Главное, что в глубоководной части Пуцкого залива, прикрытого от штормов косой Хель, можно будет базировать «Неумолимый» с тем же комфортом, что и в Ахтиарской бухте. Пора тебе подтягивать вверх свою главную ударную силу, тем более что большую часть расходников для его восстановления тут можно не добывать на Меркурии, а получать от местной промышленности.

Вот это совет! Впрочем, до победы над Германией еще нужно дожить, а сейчас советский вождь ждет от меня следующего хода. Ну что ж, теперь я знаю, куда девать пленных из сорок пятой пехотной дивизии. Ход будет что надо. Пятнадцать тысяч голых геев – ой, простите, немцев – на Красную площадь в подарок советскому вождю. Лето – чай, не замерзнут. И в придачу на рабочий стол в кабинет Сталина во время его отсутствия неплохо бы подкинуть шеститомник «История Великой Отечественной войны» шестьдесят пятого года издания и мое

личное послание с вложенным в него «портретом». Сделаем это, и посмотрим на реакцию клиента.

В шаттле у темных эйджел все не как у людей: красноватый полумрак, низкие сиденья, явно приспособленные не для человеческих фигур, и вместо переговорных гарнитур – обручи индукционных линков внутренней ментальной системы, иначе называемой «упряжкой». Раньше подобные ощущения я испытывал, только погружаясь в Единство, и вот теперь на расстоянии вытянутой руки от меня – разумы одного человека и трех темных эйджел, не являющихся моими Верными.

– Приветствую тебя, о великий предводитель хумансов Серегин, на борту челнока нашего клана «Игла Мрака», – услышал я голос внутри своей головы.

– Приветствую тебя, леди Азалиэн, мать клана «Игла Мрака», – мысленно ответил я, – пусть потомство твое всегда будет благополучно, и пусть пребудет с ним благословение Великого Духа Вселенной.

– Благодарю тебя на добром слове, могущественный слуга Великого Духа, – ответила матрона темных эйджел, чрезвычайно довольная. – Мне хочется надеяться, что, когда ты повстречаешь других моих диких сестер, то будешь к ним также добр, как и к нашему клану.

– Не беспокойся, леди Азалиэн, – подумал я, – если твои сестры будут мне враждебны, то я стану воевать с ними не на полное уничтожение, а всего лишь до капитуляции и предложения Присоединения. Мне нравится, что твой народ всегда чтит свои клятвы, ибо я такой же.

– Мне этого вполне достаточно, – ответила моя собеседница, и на этом обмен мнениями по политическим вопросам был закончен.

Детальное психосканирование с использованием аппаратуры высокого разрешения не только уточнило первоначальные данные, но и позволило определить места расположения двух полковых штабов, а также городской и железнодорожной комендатур, места размещения городских управлений ГФП и фельджандармерии. Этим объектам следует уделить особое внимание, и обитающая там публика после завершения операции переместится не на Красную площадь изображать собой нудистскую массовку, а в ведомство товарища Бергман для детального разбора, кто есть кто. Кроме всего прочего, нагрудные бляхи фельджандармов – весьма ценные аксессуары, при помощи которых бойцы спецбатальона гауптмана Вернера фон Баха впоследствии смогут совершить множество головокружительных по дерзости операций. Герр Канарис еще не знает, что в игру «Бранденбург-800» можно играть вдвоем.

А вот дивизионного и одного из полковых штабов в Бресте обнаружить не получилось, да и общая численность германского поголовья оказалась несколько меньше ожидаемой, что может означать только то, что после подавления последних очагов активного сопротивления дивизия уже получила приказ на передислокацию, и штабы первыми начали движение в сторону фронта. Запрашиваю данные орбитального сканирования в окрестностях Бреста в радиусе пятидесяти километров – и обнаруживаю в Кобрине необычайно высокую концентрацию германских войск: больше тысячи двухсот рыл, хотя для оккупационного гарнизона хватило бы и сотни солдат старших возрастов. Еще пара тысяч германских солдат, рассыпанные на подразделения, находились в лесах южнее Бреста, предположительно, проводя прочесывание местности на предмет поиска мелких групп советских окруженцев, по каким-то причинам еще не отступивших на восток.

И тут же, совсем рядом, в тридцати километрах на запад от Брестской крепости, в польском городе Бяла-Подляска обнаружилось еще одно место компактного размещения большого количества советских военнопленных. Энергооболочка подсказывает, что, вероятно, это еще один смешанный лагерь для пленных, только уже постоянный (то есть Шталаг), а при нем – госпиталь для раненых командиров. Медицинский персонал в госпитале тоже пленный советский из состава разгромленного армейского госпиталя. Тогда я подумал, что немцы, успевшие уйти из Бреста на восток и на юг, пусть себе пока гуляют, сейчас мне просто не до них, а вот

госпиталь и лагерь военнопленных надо обязательно брать, ведь там мучаются наши, советские люди. Очень нехорошо получится, если из пересыльного лагеря в Бресте мы пленных освободим, а тех, что находятся в Бяла-Подляске, оставим во власти врага.

Но сначала требовалось глянуть на этот лагерь своими глазами. Для меня тридцать километров не крюк: один переход через локальный портал (пилот-лейтенант Динал Аз, управлявшая шаттлом, только мысленно ойкнула) – и мы уже кружим над предполагаемым местом расположения лагеря военнопленных. А лагеря как такового-то и нет, а есть кусок картофельного поля у дороги, расчерченный колючей проволокой на квадраты, с пулеметными вышками по периметру. В одном конце лагеря (со стороны дороги), за пределами периметра – сборные домики казарм охраны и лагерной администрации, рядом квадрат с палатками, отведенными под госпиталь военнопленных, и сборный домик кухни, а на остальной территории тысяч пятьдесят советских бойцов и командиров лежат прямо на голой земле. А совсем недалеко – рвы, уже начавшие заполняться умершими и казненными узниками этого импровизированного лагеря смерти. Энергооболочка доносит мне снизу волны боли, ужаса и безысходности, и тут же под влиянием чувства благородной ярости из меня начинает лезть разъяренный архангел. В основном там от голода и ран умирают мальчишки восемнадцати-двадцати лет от роду, военнослужащие срочной службы – первое по-настоящему советское поколение, рожденное не только после революции, но и после гражданской войны. Я чувствую этих людей как своих, и после того, как они услышат Призыв, мы с ними возьмем штурмом даже Врата Ада.

И в то же время я понимаю, что для освобождения лагеря в Бяла-Подляске требуется планировать отдельную операцию, параллельную Брестской, для которой не будут пригодны ни головорезы Велизария, ни даже солдаты и офицеры армии Багратиона. Тут нужны такие же советские люди, как и те, что сидят сейчас за колючей проволокой, чтобы они отнеслись к заданию со всей пролетарской серьезностью и ответственностью... У каждого из нас кто-то сражался и погиб на этой войне. У выходцев из восьмидесят девятого года – отцы и деды, а у нас, уроженцев двадцать первого века – деды и прадеды. Впрочем, нужный контингент в моем воинском единстве имеется. Весь танковый полк было бы использовать слишком жирно, а вот один батальон для представительности – это в самый раз. В качестве пехотного наполнения можно использовать одну из уланских дивизий кавалерийского корпуса. Мои милые бойцовые остроухие в прошлом тоже прошли через тяжелую неволю, а потому отнесутся к этой операции как к делу личной чести, а к охране лагеря – как к псам и волкодавам.

Командовать парадом, то есть операцией, следует назначить подполковника Седова, а его заместителями станут полковник Половцев, майор Тахтаев и капитан Юрченко. И поднимать по тревоге задействованные части и подразделения необходимо уже сейчас. Самый большой труд предстоит майору Тахтаеву и его сводному батальону тылового обеспечения, по большей части укомплектованному рабочими остроухими, которым в самые кратчайшие сроки предстоит многократно расширить масштабы своей деятельности и развернуть полевой карантинный лагерь не на десять, а на шестьдесят тысяч человек. Полковник Половцев при этом будет работать с освобожденными военнопленными, а капитан Юрченко – окучивать их по политической части (замполит он у нас или нет?).

Итак, решено: указанным подразделениям следует объявить боевую тревогу, и через пять минут вызвать подполковника Седова и прочий командный состав на экстренную мысленную связь для последующей постановки задачи. Операция в Бяла-Подляске нужно проводить со сдвигом в два часа относительно операции в Бресте, то есть уже после восхода солнца. Так будет даже лучше. Пусть освобождаемые видят красные звезды на «Шершнях» прикрытия и священные алые боевые знамена над кавалерийскими полками и эскадронами. И, пожалуй, мне тоже надо будет там присутствовать с самого начала – чтобы попробовать взять этих людей на Призыв. И те, что сразу откликнутся на этот зов, станут в нашем воинстве элитой элит, ибо злее их к врагу будут только «волчицы».

В последнюю очередь, уже после Бяла-Подляски, леди Азалиэн особо тщательно просканировала территорию Брестской крепости, где удалось выявить укрытия последних защитников. Единственную группу (двенадцать человек) удалось обнаружить в подземных казематах полуразрушенного Восточного форта. Еще двадцать шесть одиночек оказались разбросанными по всей территории крепости. Всем им предстояло или погибнуть, или попасть в плен в бессознательном состоянии, как, например, майору Гаврилову, скорее всего, возглавляющему сейчас остатки сопротивления в Восточном форте.

С горечью приходится признать, что широко разрекламированная оборона Брестской крепости по большому счету таковой не была, ибо на ее территории не имелось заблаговременно изготовленного к обороне гарнизона с централизованным командованием, запасами, укрытыми в глубоких казематах, средствами ПВО и дальнобойной артиллерией для контрбатарейной борьбы: тогда тут застрял бы корпус, а не дивизия, и не на десять дней, а как минимум на месяц, а то и на два. Даже гарнизон Порт-Артура, оборона которого считалась образчиком дезорганизованности и внутреннего предательства, сумел сковать пятикратно превосходящие силы японцев как минимум на пять месяцев, уничтожив при отражении штурмов почти треть осаждающей армии.

Но вместо крепко спаянного гарнизона в Брестской крепости имелся набор частей и подразделений, принадлежавших 42-й и 6-й стрелковым дивизиям, гаубичный артполк корпусного подчинения, армейский госпиталь, части конвойного батальона НКВД и пограничного отряда. И каждая часть была сама по себе. Для девяти с лишним тысяч бойцов и командиров это был пункт дислокации, а не оборонительная позиция, которую следует защищать от атакующего врага до последней капли крови. В организованном сопротивлении принимала участие лишь незначительная часть военнослужащих; остальные, лишенные руководства своих командиров, либо пытались неорганизованно покинуть крепость сразу после нападения и по большей части попали в плен за ее пределами, либо большими группами сдались врагу в первые дни обороны. И этот факт мне еще придется иметь в виду при работе с бывшими советскими военнопленными. Проявившие слабость должны искупить ее в бою, сознательно предавшие – понести заслуженное наказание.

Фиксирую положение последних защитников на тактическом планшете Воинского Единства, после чего мысленно отдаю последние указания командирам участвующих в операции частей и подразделений. Первый эскадрон флаеров огневой поддержки атакует ослабленным парализующим излучением место дислокации сорок пятой пехотной дивизии. Второй эскадрон действует отдельными звеньями. Первые два звена в ударном обвесе поддерживают штурм лагеря военнопленных севернее Бреста, где пока в одной куче содержатся рядовые бойцы, сержанты и старшины, командиры и члены семей военнослужащих, женщины и дети. Еще три звена в полицейском обвесе, выставленном на полную мощность, обрабатывают цели в самом Бресте. Третий эскадрон: три звена в ударном, два в ослабленном полицейском обвесе – готовится поддержать операцию по освобождению лагеря в Бяла-Подляске. Четвертый эскадрон в ударном обвесе находится в резерве на случай осложнения обстановки.

Дивизия генерала Воронцова получила приказ действовать побригадно. Первая бригада высадится на Тереспольском укреплении, где располагаются все артиллерийские подразделения и один из пехотных полков. Второй бригаде я нарезал участок к востоку от крепости, третьей – в самом городе, поставив задачу на захват железнодорожного узла и складов трофейного имущества. Капитан Коломийцев, как и предусматривал первоначальный план, получил задачу по освобождению лагеря военнопленных Дулаг-314 севернее Брестской крепости.

Когда я объяснял генералу Воронцову, что следует сделать с пленными немцами, тот только мысленно хмыкнул и подумал:

– Шутить, значит, Сергей Сергеевич, изволите над господином Сталиным? Ну что же, так будет даже интереснее. Выполним все в лучшем виде; для нас хоть германцы, хоть французы – на русской земле они все одно пакость!

А потом время ожидания вышло, и внизу началась веселуха. Вырвавшиеся из портала «Шершни» принялись поливать места дислокации немецкой пехоты потоками ослабленного депрессионно-парализующего излучения, и одновременно на севере за линией железной дороги приступил к действиям мой бедовый советско-амазонский разведбат капитана Коломийцева со своей воздушной группой поддержки. В полной тьме рубиновые трассы магнитоимпульсных пушек напоминали новогоднюю иллюминацию.

4 июля 1941 года, 2:30 мск, километр к северу от Брестской крепости, лагерь военнопленных Дулаг-314 «Красные казармы»

«Красные казармы» построили перед Первой Мировой Войной для размещения частей 38-й пехотной дивизии, входившей в состав 19-го армейского корпуса. Но этот период был недолгим. В 1913 году дивизия въехала в новенькие казармы, а в 1914-м убыла в состав действующей армии. Потом двадцать лет (с 1919-го по 1939-й год) в Брест-Литовске обитали поляки, а после них в течение двух лет казармы занимал 18-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон Брестского укрепленного района. На рассвете 22 июня бойцы и командиры этого батальона под огнем врага все же сумели добраться до своих частично построенных и не полностью вооруженных ДОТов, и сражались там до полного исчерпания боезапаса.

А примерно с полудня первого дня войны в «Красных казармах» угнездился Дулаг-314, личный состав которого в полной готовности ожидал начала войны с польской стороны границы. В настоящий момент этот лагерь использовался германской армией как транзитный. На сборных пунктах в местах уже стихших ожесточенных сражений командование германских полков и дивизий собирало наловленных по лесам и полям советских военнопленных, после чего их пешими этапами по дорогам местного значения гнали на запад, от одного такого лагеря до другого. По пути германские конвоиры беспощадно пристреливали всех, кто ослабел настолько, что не мог идти дальше. Свидетельства о том оставили самые разные люди, в том числе и те, что отнюдь не пылали любовью к советской власти. Среди них был и Сергей Николаевич Сверчков (1898–1955). До войны этот человек служил артистом и режиссером в различных московских театрах. Сдался в плен сразу после начала войны, а с августа 1942 года работал на германское Министерство Пропаганды. После войны остался на Западе, под чужим именем жил в Германии, потом в США, затем вернулся в ФРГ работать на радиостанции "Освобождение" (будущее радио «Свобода»), где стал одним из первых дикторов.

Вот что этот предатель собственного народа писал в своих мемуарах об этапировании советских военнопленных из сборного лагеря под Минском:

«Наконец нас собралось около полутора тысячи офицеров, и рано утром немецкие солдаты построили нас в колонну по четыре и повели через Минск на юго-запад. Первый день был неуютным, часто давали отдохнуть, а ночевать привели в какую-то тюрьму, где мы были первыми после освобожденных заключенных. Мы находили наспех брошенные лохмотья, газеты, записки. Стены пестрели разными надписями и подписями. Главным образом просьбы передать на волю, что такой-то осужден на пять, на семь, на десять лет и отправляется туда-то и туда-то. Не знаю, доходила ли когда-нибудь такая почта до близких, думаю, что нет, однако люди, видимо, хватались за соломинку. Почувствовав тюремный воздух, наше офицерство стало молчаливее, и всякие политические споры прекратились. Следующие дни переходов делались все труднее, кормили плохо, воду давали редко. Потерянные ноги и общая усталость давали себя знать, и появились отстающие, которые

большие не догоняли. Я долго не мог поверить, что больных офицеров, которые отстают от общей колонны, пристреливали. Не верил до тех пор, пока сам не стал сдавать и не очутился в хвосте, здесь я видел своими глазами, как немецкий солдат несколько раз ударил прикладом упавшего офицера, а потом приложился... выстрел и солдат спокойно подходит к следующему. Следующий был я, я вскочил. Минуту тому назад, казалось, не было сил совсем, а теперь я зашагал, хотя в глазах были круги... Я шел механически, совсем не замечая, что ноги у меня передвигаются, было такое впечатление, что я плыву по воздуху, но плыву медленнее, чем хотелось бы. Около одной деревни, мимо которой мы проходили, у околицы стояла эсеница. Когда я поравнялся с ней, она замахнулась и бросила что-то в нас. Меня по лицу что-то больно ударило, я инстинктивно схватил это что-то и это оказался громадный, с кулак, кусок сахара! Этот случай спас мне жизнь. В минуту я разгрыз этот кусок и сразу же пришли силы продолжать наш путь».

Впрочем, пленные, которым повезло выжить на этом пути и дойти до этого места, еще не ведали, как и чем окончится их трудный путь, и что только один из десяти доживет до первой военной зимы. «Красные казармы» обещали им отдых, для командиров ночевку под крышей, для рядовых и сержантов – на голой земле, скудный ужин, а потом возможность хоть на какое-то время забыться мертвым сном.

Но сегодня со сном и отдыхом вышла незадача. Ровно полтретьего ночи через раскрывшиеся порталы, как чертики из табакерки, выпрыгнули разъяренные «Шершни», принявшись выписывать вокруг лагеря вытянутые восьмерки. С резким звуком «пиу-пиу-пиу», непривычным уху аборигена середины двадцатого века, во тьме протянулись стремительные рубиновые трассы очередей из магнитоимпульсных пушек, в щепу, древесную пыль и кровавый фарш разнося дощатые будочки пулеметчиков на вышках периметра, попутно гася освещающие местность прожектора. Причем стреляли странные летающие пришельцы почти от земли, немного снизу вверх, ибо, если сверхскоростные снаряды попадут во что-нибудь, не подлежащее уничтожению по плану операции, то не миновать непоправимой беды, ибо фактически вся территория, свободная от зданий и руин, была плотно заполнена сидящими и лежащими на земле военнопленными.

А вот и одно из зданий, которое великоповажные германские господа заняли себе под лагерную администрацию. На втором этаже распахивается окно – и какой-то смельчак, как бы не сам оберст-лейтенант (подполковник) фон Геллер, со знанием дела принимается поливать злобных пришельцев короткими очередями из пулемета МГ-34. «Музыка играла» секунд тридцать. Очередной «Шершень», заходя в атаку, обнаружил приоритетную цель типа «огневая точка» и поразил ее минимальной очередью в двадцать снарядов. Гол! Стена в два кирпича под оконным проемом выгрызена на полметра ниже подоконника, во внутренней перегородке позади отважного стрелка появилась неровная дыра, сам же он превратился в кровавые брызги на стенах, полу и потолке. Все что от него осталось – только пара ног, отчекранных выше колен.

Одновременно с окончательным подавлением активного сопротивления охраны через раскрывшиеся наземные порталы в дело вступил разведывательный батальон капитана Коломийцева. Бронетехника (БМП и БРМ с десантом на броне) появляются восточнее лагеря, справа и слева от подходящей к нему железной дороги, а цепочка кавалеристов охватывает это место скорби с трех остальных сторон. Впрочем, солдаты охраны, выскочившие из караульного помещения, этого не видят, так как бывший военный городок по периметру окружает высокая кирпичная стена, по верхнему краю которой злобно курчавится колючая спираль Бруно. Опасность замечает только наряд на КПП у ворот. Звучат несколько винтовочных выстрелов, гремит короткая пулеметная очередь (скорее наугад, чем по конкретной цели, ибо в кромеш-

ном мраке стрелять можно только на звук тихо урчащих моторов). Но «Шершни» не вмешиваются: в данном случае обойдутся и без них. Грохочут пушечные очереди с двух БМП (что не так эффективно, как магнитоимпульсное вооружение «Шершней», но не менее эффективно), от КПП во все стороны летят мелкие обломки, пулемет замолкает, а через некоторое время одна из боевых машин своим клиновидным носом напрочь выносит железные ворота. Периметр прорван. Одновременно с этим внутрь лагеря десантируются бойцовые остроухие из состава бортового десанта «Шершней», чтобы ударами двуручников наотмашь и короткими очередями пистолетов-пулеметов быстро привести охранников лагеря к положению «никто никуда не идет». И тут же в небе над «Красными казармами» бело-желтым светом вспыхивает осветительный шар, яркий, как второе солнце. Все. Лагерь военнопленных Дулаг-314 захвачен, сопротивление охраны подавлено, пришло время реализовать плоды победы.

И на все это с ужасом и недоумением, шурясь от неожиданного яркого света, смотрят внезапно разбуженные и ошеломленные военнопленные. Люди, внезапно захватившие их узилище, вроде бы общаются между собой на чистом русском языке со специфическими армейскими оборотами, но по внешнему виду и манерам ничуть не смахивают на типичных красноармейцев. Впрочем, не похожи они и на кадровых военнослужащих старой царской армии, и на немцев, на которых пленные уже успели насмотреться. Впрочем, на этом еще ничего не кончается: безжалостные пришельцы приказывают пленным построиться в колонну по четыре и покинуть территорию лагеря через выбитые ворота. Быстрее, быстрее, быстрее! И те подчинятся, ибо немцы уже вбили в них рефлекс беспрекословно выполнять команды вооруженного конвоя. Однако идти им недалеко. Сразу за воротами этих людей ждет тускло светящаяся арка портала, а за ней – другой мир и новая жизнь. Тех, кто не имеет сил идти, потом соберут и отправят в госпиталь на носилках, а единичных персонажей, считающих, что в немецком плену им будет лучше, чем среди своих, а потому прячущихся по разным темным углам, найдут и прикончат как собак.

4 июля 1941 года, 3:05 мск, Брестская крепость, мост у Трехарочных ворот между Цитаделью и Кобринским укреплением

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

На востоке уже разгорается багровая полоса зари нового дня, а тут, на территории крепости, стоит звенящая тишина. Не слышно даже обычного в предутренние часы отдаленного лая собак и кукареканья петухов, потому что Тузики и Шариков немцы стреляют просто с фанатическим исступлением, а всех петухов они съели еще в первые дни войны. Впрочем, сейчас вчерашние покорители Европы из состава 45-й пехотной дивизии уже приведены к общему знаменателю и скидывают с себя последние порты, чтобы вскоре отправиться на Красную площадь изображать собой первый в истории этого мира гей-парад.

Трофеи, надо сказать, просто эпические. Помимо дивизионного артполка на конной тяге, нашей добычей стали двенадцать восьмидюймовых мортир вместе с тягачами, артиллерия двух пехотных полков, двенадцать тысяч винтовок Маузера, больше тысячи пулеметов МГ, а также боеприпасы ко всему этому богатству. Вдобавок к этому в городе на трофейных складах обнаружилось пятнадцать тысяч винтовок Мосина, тысяча двести пулеметов (из которых две трети – это пехотные «дегтяри»), пятнадцать трехдюймовок, двадцать семь восьмидесятимиллиметровых минометов, тринадцать шестидюймовых гаубиц модели 1910 дробь тридцатого годов, пять 37-мм автоматических зениток и сорок шесть «сорокапятков». К сожалению, боеприпасов ко всему этому стреляющему добру имелся только самый мизер, ибо их высокоумный генерал Павлов и его штабные распорядились хранить подальше от войск, на армейских и окружных складах.

Гораздо полезнее были сто семь полевых кухонь, пятьдесят обозных телег, около восьмисот голов коней, а также значительные запасы продовольствия и фуража: горох, лапша, пшено,

мука, ячмень и пшеница. Самым ценным приобретением можно признать десять тонн мыла и две тонны чая (ибо все это нам приходится приобретать в мире русско-японской войны за звонкую монету), а самым бесполезным – семьсот пятьдесят тонн спирта и водки, которые следует либо уничтожить, либо раздать местному населению. Впрочем, как доложил капитан Трегубов, из цистерны спирта, обнаруженной на станции, с некоторыми желирующими добавками может получиться неплохой огненный фугас-ловушка. Но таких добавок у нас нет, и морочиться с их изготовлением некогда. Еще до полудня мы должны отступить отсюда на исходные позиции, а потому все, что в самые кратчайшие сроки нельзя перетащить через порталы, стоит бросить без всякой пощады, ибо овчинка не стоит выделки. Люди – все, а материальные ценности по сравнению с ними – ничто.

При этом самые ценные люди у нас те, что до сих пор не прекратили сопротивления даже в руинах того, что они пытались защитить. Их тоже немного достало депрессионным излучением, но, несмотря на это, моя сущность бога священной оборонительной войны ощущает их решимость драться до конца, хотя и драться им уже не с кем. От мысли открывать порталы в казематы и лично лезть знакомиться я уже отказался; появилась идея получше, навеянная нашим первым магическим опытом во время Битвы у Дороги в мире Содома. И вот я открываю портал в Тридесатое царство, и оттуда на руины Брестской крепости ко мне приходит вся наша магическая пятерка, а рядом мелко семенит суставчатыми ножками механический генератор магии. А вслед за ними появляются наши первопризывные амазонки под командой Змея, а также Агния, которая держит в руках священное знамя 119-го стрелкового полка, вернувшееся к своему истоку.

Никто из нашей пятерки, даже Анастасия, не чувствует себя чужим в этом месте боли и неистового героизма нашего народа. По моей просьбе Колдун составил заклинание Мобилизации, в котором мой Призыв смешан с Поддержкой, чувством локтя со стороны неистой Кобры, материнской любовью и нежностью Птицы, одобрением Анастасии и благодарностью грядущих поколений со стороны Димы-Колдуна. Все встали в круг и взяли друг друга за руки, я мысленно поворачиваю ключ – и мы все вместе, хором, начинаем петь «Священную Войну», призывая к себе всех тех, кто не сдался и намерен бороться до конца. Если все получится, то в будущем, при соответствующем уровне мотивации большого количества поющих людей и накачки магией, это будет просто страшное оружие, способное изменять судьбы целых миров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.